

Михаил СЕРЕГИН

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

КОЛЫМА
ТЫ МОЯ, КОЛЫМА

Михаил Серегин
Колыма ты моя, Колыма

«Научная книга»

2007

Серегин М. Г.

Колыма ты моя, Колыма / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2007

Побег из колымской зоны – дело смертельно опасное. Но Коля Колыма – парень рискованный. Вместе с другом Черепом он ломанул в тайгу, к «зеленому прокурору». Беглецам повезло: они добрались до надежных людей, которые укрыли их. Знал бы Коля, что Череп предаст его, лишь только почувствует опасность. Череп так и сделал, когда за ними начал охотиться бывший лагерный «кум», а ныне владелец золотого прииска Лопатников. Теперь Череп богат, только ему страшно. Он знает – Колыма от Лопатникова ушел и рано или поздно найдет Черепу. И отомстит ему сурово, по-колымски...

Содержание

1	5
2	12
3	17
4	22
5	26
6	32
7	38
8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Серегин

Колыма ты моя, Колыма

1

В Магаданской области началась весна. Для любого человека, живущего в европейской части России, это значило бы, что начался март, но здесь, на севере, и март, и апрель – это еще зимние месяцы. Весна начинается не раньше середины мая. Только к этому времени снег понемногу стаивает, температура воздуха становится плюсовой, и тундра начинает цвести. Впрочем, Магаданская область – это не только тундра. По размерам она входит в первую пятерку по стране, на ее территории легко уместилась бы парочка Франций, да еще и какая-нибудь Португалия в придачу, и географические зоны на территории области есть разные. На юге Колымского края, там, где он граничит с Хабаровской областью, тундра и лесотундра уступают место лиственничной тайге, в этих местах к середине мая уже совсем тепло – по северным меркам, разумеется. Лиственницы и кустарники покрываются зеленью, а таежные звери обзаводятся потомством. А еще это то самое время, которое издавна называлось на Колыме «зеленым прокурором», временем побегов. Зимой бежать из северного лагеря нельзя. Вернее, бежать-то, конечно, можно, и даже очень легко. Но убежишь недалеко. Прожить зимой в этих местах можно два-три дня, ну, если очень постараться и хорошо подготовиться, то неделю. Голод и холод – два великих врага беглеца убивают надежней пуль охранников. Зимой за беглыми зэками, если такие все-таки найдутся, даже погони не посылают. Кончатся холода – сами отыщутся. В виде «подснежников».

Весна иное дело – под каждым кустом хаза. Ночами, конечно, холодно, но если ложиться спать с умом, правильно выбирая место, то насмерть не замерзнешь. Прокормиться тоже можно, в весенней тайге с голоду помереть – это очень постараться надо. Зэки поэтому планируют побеги только на весну. Правда, не хуже знает все это и лагерная администрация. И в начале мая прокатывается по всем северным зонам волна ужесточения режима.

Два зэка, ехавшие сейчас в арестантском фургоне по дороге из Омчака в сторону Магадана, попали как раз под такую волну. Администрация зоны, на которой они сидели, с началом весны решила закрутить все гайки. В числе прочего взялись и за нарушающих устав блатарей, отказывающихся от работы. В первую очередь начальник зоны взялся, конечно, за тех, от кого, как он прекрасно знал, следовало в первую очередь ожидать неприятных сюрпризов, особенно по весеннему времени. Так что невыход на работу был скорее поводом, а на самом деле Хозяин просто решил избавиться от наиболее опасных блатных, пользующихся большим авторитетом в своей среде, рассудив, что без них всех остальных в узде держать будет значительно проще. Самыми опасными, теми, кого надо удалить в первую очередь, Хозяин счел двоих: Николая Степанова, больше известного в Магаданской области как Коля Колыма, и Андрея Черепанова по кличке Череп. Выездной суд по указке начальника лагеря впаял каждому из них изменение режима на полгода, и теперь их этапировали с зоны в Магадан, на тюрзак, в «крытку».

Внутри «блондинка», – так на блатном жаргоне назывался фургон, в котором транспортировали арестантов, – была разделена частой железной решеткой на два отсека. В том, что ближе к кабине водителя, находились зэки, а во втором охрана. По размерам оба отсека одинаковы, но в конвоирском удобные откидные деревянные лавки вдоль стен, а арестантам такой роскоши, разумеется, не полагалось, и они сидели на корточках, у самой решетки, держась за прутья. Впрочем, сейчас, когда этапиремых было всего двое, ничего особенно страшного в

этом не было. Другое дело, когда в тот же отсек набивали зэков десятками – а и такое бывало. В таких случаях часто люди ехали как кильки в банке – в самом прямом смысле. В два слоя, а когда и в три, тогда на плечи сидящих ложились другие, и доехать, не потеряв сознание, было подвигом. Оба зэка, сидящих сейчас в арестантском отсеке, не раз на своей шкуре пробовали такие массовые путешествия, а потому прекрасно понимали, что сейчас они, считай, как на курорте.

Фургон тряхнуло на каком-то ухабе. Один из охранников вяло выругался и полез в карман за сигаретами. Вытащив пачку «Примы», он достал оттуда сигарету, прикурил и глубоко затянулся сизым дымом. Это было нарушением правил, но прапорщик, поставленный старшим над конвоем, ехал вместе с шофером в кабине, а значит, на устав можно было плюнуть.

– Начальник, дай папироску! – обратился к вертухаю сидевший в арестантском отсеке здоровенный парень с рябым от оспин лицом. – Курить хочу, сил нет! – В голосе зэка была характерная для многих блатных смесь жалостности и нахальства.

– Обойдешься, – лениво отозвался охранник, даже не повернувшись к зэку. – Вот в «крытку» приедешь, там тебе все дадут. И покурить, и еще чего, может быть.

Лицо зэка помрачнело. Он прекрасно понял, на что намекает охранник. На том тюрзаке, куда их везли, порядки были «красные», и правильным блатным там наверняка придется несладко. Зэк негромко, но зло выругался сквозь зубы.

– Эй, Череп, – негромко окликнул в этот момент рябого парня второй блатной.

– Чего? – Череп оглянулся на соседа.

– Зря ты у «рексов» курево просишь. Даже если дадут, принимать западло. Правильный пацан не должен у ментов подачки просить.

– Ты что, Колыма, меня понятиям, что ли, учить будешь?! – нехорошо прищурившись, отозвался рябой.

– И поучу. Не возбуждай, Череп. Когда учат добром, не грех поучиться.

Парень еще сильнее сощурился и уже открыл было рот, явно собираясь сказать что-то наглое, но тут Колыма, до того сидевший к нему вполоборота, повернулся и глянул соседу в глаза. Череп осекся на полуслове. В светло-серых, волчьих глазах Колымы не было ни злости, ни угрозы, но все же каким-то шестым чувством молодой блатарь почувствовал – лучше и правда не возбуждать. Он, конечно, и здоровее в два раза, и «рексы» рядом, но все равно. С Колей лучше не связываться.

– Пайку берем, – уже совершенно другим голосом сказал Колыма. – Пайка – это святое. А сверх нее нам от ментов ничего не надо. Понял?

Череп кивнул, и Колыма снова отвернулся.

Со стороны этот разговор выглядел бы, наверное, странно. Здоровенный парень с совершенно бандитской рожей спасовал перед невысоким сухопарым мужиком, по виду которого не скажешь, что он очень опасен в драке. Но так показалось бы только тому, кто совершенно не знал колымской жизни.

Николай Степанов, он же Коля Колыма, был правой рукой Бати, смотрящего по краю, и место это он занимал по заслугам – с этим согласны даже его враги. За плечами у Колымы было четыре ходки, все от звонка до звонка, все за воровство, все отмотаны в «отрицалове». Колыма никогда не шел ни на какое сотрудничество с администрацией зон, свято чтит блатные понятия и традиции – в общем, был человеком, на примере которого учили жить молодых блатарей. Что же до физической силы и драк, то все знали, что в прошлом году, когда у Колымы возникли непонятки с Батей, он в одиночку, без оружия справился с Цыганом и Парфеном – двумя лучшими боевиками смотрящего. Одно это говорило о многом, а ведь припомнить таких случаев можно было еще немало. Сам Череп, например, слышал рассказ человека, который своими глазами видел, как Колыма один дрался с тремя кавказцами, которые хотели по беспределу опустить совершенно незнакомого ему зэка. По словам очевидца, Колыма хоть и с

разбитой головой и поломанными ребрами, но ушел с места драки на своих ногах. А его противников уносили. И еще одним свойством характера, которое делало Колю Колыму одновременно и верным другом, и очень опасным врагом, было то, что он никогда и ничего не забывал. Ни хорошего, ни плохого. За хорошее всегда благодарил, а плохого не прощал.

Сейчас Колыма внимательно наблюдал за охранниками. Один из них, тот, что сидел дальше от решетки, за последние пять минут уже третий раз сменил позу, лицо второго тоже постепенно становилось каким-то напряженным. А когда спустя еще несколько минут в фургоне почувствовался отчетливый запах, говорящий о том, что у кого-то тут барахлит желудок, на лице Колымы промелькнула довольная усмешка. Если бы кто-нибудь из охранников посмотрел на него в этот момент, у него появился бы хороший повод призадуматься. Но ни тот, ни другой «рекс» сейчас не обращали на эков никакого внимания. Слишком уж они были заняты своими проблемами.

– Ядрена вошь... – проворчал один из конвоиров. – Консервы нам сегодня, что ли, несвежие дали? Санек, у тебя брюхо не болит?

– Болеть не болит, но в сортир хочется охрененно, – отозвался второй вертухай.

– Ага, вот и мне тоже.

Еще пару минут оба «рексы» сидели молча, все больше и больше ерзая на местах, а потом первый снова не выдержал:

– Санек, давай с прапором свяжемся! Пусть тормознет, а то ведь я прямо здесь обосрись!

– Не положено, сам ведь знаешь.

– Да фигня! Начальства нет, кто узнает? Сам, что ли, не хочешь?! Тормознем на пять минут, сгоняем до кустов – и дальше поедем.

На лице второго охранника отразилась нешуточная внутренняя борьба, но, прежде чем он успел что-то ответить, двигатель автозака неожиданно чихнул, взревел громче, но захлебнулся, на секунду смолк совсем, а потом заработал, но как-то надрывно, с перебоями. Фургон поехал медленнее.

– Что за хрень? – недоуменно проговорил тот вертухай, которого напарник называл Саньком.

– Сломались, кажись, – почти с радостью в голосе отозвался первый. – Слушай, раз такое дело, точно надо смотаться до кустов. Свяжись с прапором – пусть остановит машину, посмотрит с водилой, что с ней такое. А мы пока в кусты сгоняем.

– Ладно... – Охранник достал из нагрудного кармана рацию. – Но выходить будем по одному. И я первый.

– Да что ты... – начал второй охранник, но Санек жестом заставил того замолчать и заговорил в рацию:

– Товарищ прапорщик, разрешите обратиться.

– Что такое? – раздался из динамика хриплый недовольный голос.

– Остановите ненадолго машину, нам с Коробовым в кусты очень надо.

– А что у вас там такое? – донесся из динамика рации хриплый голос.

– Желудки прихватило здорово. Наверное, тушенка несвежая утром попалась. Остановите – вы пока посмотрите, что с двигателем случилось.

Старший конвоя некоторое время молчал, а потом отозвался:

– Ладно. Но в кусты бегать быстро, и по очереди. Одних эков не оставляйте.

Вообще-то и это было нарушением устава. По правилам, конвоир ни на секунду не должен оставаться один с этаплируемыми уголовниками. Отошедшего должен подменить старший конвоя. Но, разумеется, в отсутствие начальства вертухай придерживались уставных правил не очень строго. Как только прапорщик закончил говорить, Санек сунул рацию на место и мгновенно вылетел из фургона.

– Только быстрее давай, – жалобно проныл ему в спину оставшийся в фургоне «рекс». Ему, видно, было уже совсем невмоготу, он уже не мог стоять на месте, начал кружить по небольшому свободному пространству своего отсека, чуть согнувшись и прижимая руки к животу.

В этот момент Череп краем глаза заметил движение Коли Колымы. Блатной как-то весь подобрался и чуть пошевелил правой рукой. Из рукава у него показался какой-то железный штырь, который Колыма тут же перехватил свободной рукой и взял так, чтобы охраннику его не было видно. Увидев, что Череп заметил его движение, Колыма едва заметно кивнул ему. Череп осторожно наклонил голову в ответ. Он все понял – видимо, Колян решил воспользоваться подходящим моментом и попытаться сделать ноги. Знать бы еще, как он умудрился заточку притырить, шмонали ж вроде перед выездом с зоны. Хотя... Разные есть способы, а уж такой человек, как Колыма, наверняка знает их все.

Колыма с нарочито громким кряхтением привстал с корточек и сделал шаг в сторону, словно разминая затекшие мышцы, а на самом деле заняв наиболее удобное положение для атаки. Разделявшая эков и конвой решетка была серьезной преградой, но у нее был один существенный недостаток – через нее свободно проходила рука. И если потерявший бдительность охранник оказывался достаточно близко, то с определенного места достать его было вполне можно. Именно это место со всей возможной осторожностью и занял сейчас Колыма.

Впрочем, пожалуй, осторожность его была даже лишней. Оставшегося в одиночестве вертухая сейчас интересовал только его живот, окружающего мира он практически не замечал. А зря. Когда «рекс» в очередной раз оказался в опасной зоне, Колыма сделал молниеносное движение, рука с заточкой, сделанной из электрода, высунулась далеко за решетку, и железный конец вошел охраннику точно под правую ключицу. Вертухай вскрикнул, поднял на Колыму мгновенно помутневшие глаза и тут же осел на пол.

– Колян! На фиг?! – выдохнул Череп. – Замок-то все равно...

Договорить он не успел. Колыма, не обращая внимания на его возглас, ловким движением согнул заточку, превратив ее в довольно длинный крюк и, почти улегшись на пол, зашарил ею по одежде упавшего. Через несколько секунд раздалось негромкое звяканье, и Колыма подтащил к себе вытянутые из кармана «рекса» ключи. Движения блатного были ловкими, быстрыми и совершенно несуетливыми, чувствовалось, что прежде, чем действовать, он составил в уме подробный план и теперь строго следовал ему.

– Выходим! – шепотом сказал Колыма Черепу, открывая замок, запиравший дверь в отсек арестантов, и первым выскользнул наружу, подобрав автомат.

– Свяжи этого, – кивнул он Черепу на лежащего конвоира. – Да быстрее! Сейчас второй вернется.

– Зачем вязать? Ты ж его... – недоуменно начал Череп, но Колыма перебил его.

– Живой он! Ранен только, я знал, куда бить. Вяжи! И в рот какую-нибудь тряпку запихни, вдруг очухается не вовремя.

Череп сдернул с «рекса» ремень и ловко скрутил ему руки, а штаны приспустил до колен – это не хуже связывания двигать ногами мешает.

– Тихо! – шепнул Колыма. – Идет! Слева встань, подстрахуй!

Сам Колыма встал справа от входа в фургон, а Череп, повинувшись его жесту, слева. И когда вертухай с довольной улыбкой шагнул внутрь, в солнечное сплетение ему врезался ствол автомата. «Рекс» охнул, согнулся, и Череп тут же врезал ему сверху по основанию шеи сцепленными в замок руками. Вертухай рухнул на пол и больше не шевелился.

– Этого тоже вяжи, – приказал Колыма Черепу. – И ствол бери.

Через минуту оба блатных уже стояли с автоматами на изготовку у двери фургона.

– Прапор с шофером сейчас снаружи, наверняка смотрят, что с машиной случилось, – прошептал Колыма. – Нужно их обоих вырубить. Делаем так – я выпрыгиваю первым и иду

направо, ты за мной и налево. Увидишь их – вырубай. Но смотри, не убей, и стрелять не нужно, слышно больно далеко будет.

– Лады, – кивнул Череп.

– Тогда начали, – выдохнул Колыма, толкнул железную дверь плечом и ловко выпрыгнул наружу. Еще до того, как его ноги коснулись земли, блатной увидел шофера фургона, идущего как раз на него. Глаза водилы округлились, рука зашарила по кобуре, а рот приоткрылся, но сделать он так ничего и не успел. Колыма в два прыжка покрыл разделявшее их расстояние и четко врезал шоферу прикладом автомата по голове. Не издав ни звука, водила рухнул на землю. Тем временем за спиной Колымы раздался голос Череп:

– Стой, падла! Мочкану!

Колыма развернулся и бросился на голос. Обогнув машину, он увидел бледного прапора, которого держал на прицеле Череп.

– Мочкануть его, Колян? – спросил парень. Колыма покачал головой:

– Не нужно. Погодь-ка. – Он подошел к начальнику конвоя и вырубил его таким же ударом, что и шофера.

– Фу-у! – Только теперь Коля Колыма позволил себе облегченно вздохнуть.

– Ну ты даешь, Колян, – восхищенно покачал головой Череп. – Надо же, получилось! Я когда увидел, что ты заточку из рукава тянешь, подумал, что только довесок к сроку заработаем!

– Погоди, мы еще не ушли, – отозвался Колыма. – Помоги-ка лучше мне, нужно всех вертухаев в наш бокс запихать.

Вдвоем они за несколько минут стащили всех четверых конвоиров, ни один из которых пока не пришел в себя, в арестантский отсек фургона.

– Теперь нужно этого перевязать, – Колыма кивнул на раненого им «рекса». – Череп, оторви-ка полоску от какого-нибудь из их бушлатов, перевяжем его.

– Ты что, Колян! – искренне изумился Череп. – Ты менту поганому помогать собрался?! Сам же говорил: запаadlo с ними дело иметь...

– Подачки брать – запаadlo, – кивнул Колыма. – А перевязать его нам сейчас стоит.

– Я думал, ты их всех перемочить собираешься, только хочешь здесь, в фургоне, потихому.

– Нет, – решительно покачал головой Колыма. – Если мы хоть одного замочим, нас искать в два раза круче будут. Да и не по понятиям это – беспределом таким заниматься. Убивать нужно, только когда по-другому никак.

– Ну ладно, не мочить так не мочить, но хоть попинать их напоследок надо!

– Не надо, – коротко, но решительно ответил Колыма, начиная перевязывать «рексу» рану.

– Вот уж никогда бы не стал мента перевязывать! – громко и недовольно сказал Череп, глядя на это. – Сдохнет так сдохнет, туда ему и дорога!

– Я ж тебе объяснил, нам самим выгодно, чтобы он выжил, – ответил Колыма.

Череп явно был не согласен, но дальше спорить не решился.

Зато, пока Колыма перевязывал раненого, он все-таки успел по нескольку раз пнуть всех остальных вертухаев. Он бы и на этом не остановился, но Колыма его одернул.

– Череп, сходи лучше посмотри, что в кабине у водилы можно взять полезного. В первую очередь жратву смотри, спички, курево.

Бросив последний злобный взгляд на валявшихся на полу конвоиров, Череп выскочил из фургона. Колыма, закончив перевязку, вышел из арестантского бокса, запер дверь и что было сил швырнул ключ в открытую дверь. После этого он двумя ударами автоматным прикладом превратил рации охранников в кучу обломков и выпрыгнул из фургона.

– Ну, что там есть? – спросил он у Череп, подходя к кабине.

– Топор есть, чайник, тушенки четыре банки, еще какие-то консервы, спички есть, – отозвался возившийся в кабине Череп.

– А карта есть?

– Нет, кажись.

– Ты, наверное, смотришь не там. – Колыма ловко влез в водительскую кабину и зашарил по спинке кресла. – Здесь должен быть такой карман. Ага, вот он... И не пустой, что-то тут есть... Точно, она!

Блатной с довольным видом развернул подробную карту области.

– Самое то, что надо...

– Слышь, Колыма, а компас нам нужен?

– А здесь что, есть?

– Вот. – Череп протянул Колыме небольшую круглую коробочку.

Колыма осмотрел компас и довольно улыбнулся.

– Работает. Это совсем хорошо. Конечно, и без него бы вышли, по солнышку, но так оно, конечно, лучше.

– А куда мы пойдём-то, Колян? – спросил Череп. – У тебя, наверно, план есть, я смотрю, ты все хорошо продумал?

– На юг двинем, к Хабаровску, – ответил Колыма. – Если оставить стволы здесь...

– Что?! Стволы оставить?! Да лучше уж еды не брать, но трещетки не оставлять! – возмутился Череп.

– Стволы мы оставим здесь, – повторил Колыма негромко, но веско.

– Да почему?!

– Так свалить будет проще. Одно дело, если мы с оружием уйдем, да еще труп за собой оставим. Тогда все УИН на дыбы встанет, землю будут есть, но достанут. Вооруженный побег, как же, им за него ввалит по первое число. А если мы безоружными уйдем, и все «рексы» живы, то разговор другой. Мало ли так пацанов валит, особенно по весеннему времени. Никто на нас особенных сил тратить не будет. Объявят в местный розыск, а мы тем временем уже в Хабаровской области будем. Там УИН свой, нашему не подчинен, пока они все согласуют... Да и не с руки их операм чужих беглецов ловить, у них своих дел хватает.

– Все-таки без пушек как-то стремно.

– Что ты выберешь – три дня побегать с пушками и довесок к сроку получить или свалить по-нормальному? – прищурившись, спросил Колыма. Ответить Черепу было нечего, и он промолчал.

План Колымы и правда был вполне приемлемым. Имея карту и компас, до Хабаровского края добраться довольно легко. Главный ориентир – река Иня, с истоками в Якутии, впадающая в Охотское море. Проблема только с тем, как выжить в тайге, но тут «зеленый прокурор» поможет. Тепло, гнуса еще нет, хаза под каждым кустом, а весенняя тайга всегда прокормит.

– А когда до Хабаровского края доберемся, что тогда? – спросил Череп.

– Есть у меня по дороге к Хабару один надежный пацан, – ответил Коля Колыма. – Он нам поможет первое время перекантоваться. Ксивы, филки, в общем, не пропадем.

– А потом?

– Мир не без добрых людей, – хмыкнул Колыма. – «Блондинка» ведь не сама по себе сломалась. Добрые люди в гараже из бесконвойников сахара в бензобак насыпали!

– А «рексы»?... У них животы тоже не просто так прихватило?! – догадался Череп.

– Правильно соображаешь. На кухне для надзорсостава работают люди из бывших «козлов». Братва на них наехала, вот «суки» и расстарались. И никто теперь ничего уже не докажет – ну попалась несвежая тушенка «рексам», что тут сделаешь! Бывает.

– Ха! Здорово! Хорошо ты все продумал! Или это не ты?

Колыма не ответил, и Череп не стал повторять свой вопрос. Раз молчит человек, значит, так надо.

– Ладно, давай валить отсюда, – сказал Колыма, когда они с Черепом рассовали все вещи, которые могли пригодиться в пути, по карманам и мешкам. – У вертухаев каждый час связь с областным УИН, значит, самое малое минут через сорок опера все узнают.

– Пошли, – кивнул Череп, и блатные, с сожалением оглянувшись на брошенную машину, пошли в сторону начинавшихся на юге невысоких сопок.

Через несколько сотен шагов они свернули с дороги и пошли напрямик. Не столько ради скорости, сколько потому, что ходить по дорогам им сейчас не стоило. Беглецам нужно было сейчас опасаться каждого. Любой встречный мог оказаться одетым в штатское опером из отдела по борьбе с незаконным оборотом драгметаллов или из УИНа. Такого народа по весне в тайге попадается много – менты курсируют по основным трассам, перехватывая гонцов с «диких» приисков. Ничего хорошего не сулила и встреча с местным населением, да и просто с любыми случайными людьми вроде геологов, старателей или рыбаков. Огрести вознаграждение за сообщение информации о беглеце не откажется никто. Так что беглые зэки, словно волки, были врагами решительно всем. Единственным, что немного успокаивало Колю Колыму, было то, что средняя плотность населения этих краев – примерно два человека на десять квадратных километров – и это считая с населением городов и поселков. Да еще то, что далеко не всякий, даже встретив беглецов, решится с ними связываться. Ведь волки – это не только ценный мех, но и острые клыки.

2

В Магадане подавляющее большинство зданий, в которых располагаются сколько-нибудь серьезные конторы, относятся к первой половине двадцатого века. Классический сталинский ампи́р – потолки под три с половиной метра, барельефы с мускулистыми рабочими и колхозниками, широким шагом идущими к светлому будущему, на мощных фасадах, широкие окна, лестницы, по которым можно ходить по пять человек в ряд. Пятиэтажное здание, построенное в таком стиле, уступает по высоте хрущовской девятиэтажке всего метра два. Неудивительно, что солидные ведомства предпочитают обитать именно в таких домах.

Собственно, этим Магадан не очень отличается от прочих областных центров России. Разве что в европейской части страны многие конторы предпочитают здания еще более старые – начала века, иногда даже дореволюционной постройки. Но в Магадане таких попросту нет. При царе и в первые годы советской власти эти места были практически совершенно пустынными – здесь жили только исконные аборигены этих мест: чукчи, эвенки, якуты. Колымский климат считался слишком суровым даже для каторжников. И только когда Сталин по-настоящему крепко взял власть в свои руки, он обратил пристальное внимание на этот край и решил, что для его целей он подойдет наилучшим образом. Тогда и начали появляться на Колыме лагеря – один за другим, словно грибы после дождя. Тогда, собственно говоря, и построили сам Магадан: то, что было на его месте до тех пор, и городом-то назвать было нельзя. Именно с тех пор Колыма и стала местом отбытия наказаний – до тех пор эта незавидная участь приходилась на долю Сахалина.

Магаданское областное управление внутренних дел, разумеется, контора достаточно серьезная. Соответственно, поэтому и здание им досталось впечатляющее, даже по сравнению со своими собратьями и современниками. Это была здоровенная пятиэтажка, расположенная в самом центре Магадана, да притом так удачно, что вокруг нее метров на четыреста ни одного здания выше. И это не случайность, а следствие традиции, идущей еще с советских времен и тщательно поддерживающейся до сих пор. Кабинеты всех самых серьезных шишек располагались на верхних этажах, и если бы кому-нибудь пришла в голову мысль прицельно выстрелить по одному из таких окон из винтовки со снайперским прицелом, то осуществить этот замысел не удалось бы – снизу вверх, не видя толком цели, точно не выстрелишь. Пространство перед фасадом здания тоже открыто – так что и с помощью гранатомета или чего-нибудь еще в таком роде добраться до сидящих на верхних этажах чиновников не удалось бы.

Все эти предосторожности были отнюдь не лишними – вот уж где-где, а в Магадане чиновникам МВД и Минюста стоит особенно хорошо заботиться о собственной безопасности. Уж очень работа вредная. Хуже, пожалуй, только пост диктатора в какой-нибудь банановой республике. Власть-то есть, и нешуточная, но подумать страшно, сколько народу из-за этой власти страстно мечтает увидеть тебя в гробу и готово очень на многое ради того, чтобы эта мечта поскорее осуществилась.

У парадного входа в здание притормозил черный джип. Мгновенно выскочивший из машины шофер открыл заднюю дверь, и из джипа показался невысокий грузный мужчина в форменной шинели. Он неторопливо поднялся по ступенькам крыльца и, открыв дубовую дверь, вошел в здание. Сидевшие у входа менты в бронежилетах и с автоматами, едва увидев вошедшего, вскочили с мест, вытянулись в струнку и дружно рявкнули:

– Здравия желаю, товарищ генерал!

Вошедший ответил ленивым кивком и двинулся направо, в сторону лифта. Вообще-то изначально в этом здании лифта не было, но в восьмидесятых годах очередной начальник, разъевший пузо так, что на свой пятый этаж ему подниматься было уже впору только в паланкине, пробил в обкоме партии решение о реконструкции здания. Вот во время этой рекон-

струкции лифт и появился, чему поднимавшийся сейчас в нем Константин Георгиевич Комаров, начальник УВД области, был очень рад.

– Да, молодец Карабутов был, – негромко сказал он сам себе, глядя на мигающую под потолком кабины лампочку. – А то до сих пор бы пешком ходили.

Лампочка с цифрой 5 ярко вспыхнула, и двери лифта разъехались в стороны. Комаров встряхнул головой, отгоняя посторонние мысли, и шагнул вперед, к двери кабинета, за которой его уже наверняка ждали. На сегодняшний день было назначено заседание областной коллегии, на котором ему полагалось председательствовать. У дверей кабинета маячило несколько знакомых лиц – кажется, репортеров, из тех, кто постоянно сотрудничал с УВД. Кто-то двинулся навстречу генералу, но тот решительно покачал головой:

– Официальное заявление после заседания. Подождите. – Он взялся за золоченую ручку двери.

– Константин Георгиевич! – раздался сзади голос личного секретаря Комарова.

– Ну что еще? – Генерал досадливо оглянулся.

– Захаровича еще нет. Когда он придет, что...

– Я тебе позвоню и скажу, – перебил его генерал. – Все остальное после заседания. – Он отворил дверь и перешагнул порог кабинета.

Разумеется, все остальные, кому по чину полагалось присутствовать на заседании, уже были в сборе. Комаров окинул присутствующих цепким взглядом – не мелькнет ли у кого на лице недовольства опозданием начальства? Нет, ни у кого. И правильно. Конечно, никаких мер он бы сразу принимать не стал, но запомнить бы запомнил. И припомнил при первом удобном случае – на таких вот мелочах всегда бывает видно, на кого из подчиненных можно положиться по-настоящему, а кто только и ждет, чтобы ты споткнулся.

Комаров занял свое место, откашлялся.

– Начнем, пожалуй. – Он кивнул притулившемуся в углу секретарю-стенографисту, в обязанности которого входило вести протокол заседания.

На лицах присутствующих отразилось должное внимание, и генерал начал вступительную речь. Говорить такие речи он терпеть не мог и поэтому всегда делал это практически не думая, механически. Ну что, спрашивается, его начальники отделов сами не знают, что задача УВД – это обеспечение законности, правопорядка и безопасности законопослушных граждан? Или что им нужно приложить все усилия к борьбе с организованной преступностью? Или... Ну, в общем, список общеизвестных истин можно было продолжать еще долго. Однако говорить обо всем этом было обязательно – видимо, считалось, что иначе стражи закона могут все эти вещи забыть.

– ... таким образом я считаю, что за истекший квартал мы удовлетворительно справились с нашими основными задачами, – закончил Комаров. – Теперь заслушаем квартальную аналитическую справку-меморандум по криминогенной ситуации в крае. – Комаров кивнул толстому полковнику, сидящему справа от него, и откинулся на спинку кресла.

Полковник взял со стола какие-то бумажки и принялся скучным голосом зачитывать справку. Комаров почти не слушал его – содержание этого документа он и так прекрасно знал. Ничего принципиально нового за прошедшие три месяца в области не случилось. Да и вообще, с тех пор, как два года назад на Колыме закончилась война блатных с ингушами и спортсменами, жизнь шла относительно тихая. Лидером у местных воров и смотрящим по области был Вячеслав Сестринский, больше известный как Батя, – человек умный, серьезный, спокойный и совершенно не склонный к беспределу. Так что с тех пор, как всю теневую власть в области взяла его группировка, жить местным ментам стало намного легче.

Конечно, и сейчас бывало всякое – взять хотя бы недавнюю историю с «Алазанью», когда на стрелке с ее хозяином перебили восемь человек из охраны смотрящего, а его самого серьезно ранили. Но все же одно дело – такие стычки, которые случаются редко, и совсем дру-

гое – постоянное противостояние группировок, когда менты каждый месяц снимают урожаи по восемь-десять трупов с характерной причиной смерти: «передозировка свинца в организме». А иногда бывало и покруче – когда два года назад клуб спортсменов взорвали, там погибшим счет на десятки шел, причем чуть не половина из них была людьми совершенно посторонними.

Комаров почувствовал, что слишком сильно отвлекся. Он глянул на часы. Было десять тридцать. С начала заседания прошло уже двадцать минут. Надо секретарю позвонить, узнать, не появился ли Захарович. Хотя... Лучше уж подождать конца заседания, наверное. Комаров слегка покачал головой, отгоняя посторонние мысли, и попытался вслушаться в слова доклада.

– Согласно выводам аналитиков, за истекший период криминогенные структуры области начали осваивать новые сферы легального бизнеса, – бубнил полковник, уставившись в свои бумажки и сияя розовой лысиной. – В первую очередь промысловое рыболовство, лес, пушнину, а также импорт японских и корейских автомобилей. Имеются данные также об их попытках внедриться в ресторанный бизнес. Кроме того, они по-прежнему контролируют традиционную сферу своих интересов, а именно – природные ресурсы, в первую очередь золото. Предлагаются следующие меры противодействия...

Комаров еле слышно хмыкнул. Он уже давно понял одну довольно простую истину, а вернее две, но тесно связанные друг с другом. Во-первых, что полностью искоренить преступность не в человеческих силах. А во-вторых, что голодные мухи всегда злее сытых. Можно, конечно, если очень постараться, прихватить на чем-нибудь того же Бату, можно ценой больших усилий и немалой крови разгромить и пересадить его группировку. Но зачем? Ведь все равно не останется пустым свято место. Появятся какие-нибудь новые банды, и ничем они будут не лучше Бати. Наоборот – хуже.

Смотрящий – человек уже старый, умный, зря никого не трогает, а беспредельщиков сам терпеть не может. А придет на его место кто-нибудь вроде Медведя, которого как раз кто-то из людей смотрящего два года назад положил. И что тогда? Все заново – новые-то будут еще бедные, голодные. Вот и начнут заново с торговцев и со старателей три шкуры лупить. Нет уж, лучше пусть будет Батя. А то, что он в легальный бизнес полез, так это и вовсе хорошо. Ему не препятствовать надо, а если возможно, то чуть ли не помочь. Будут деньги из тени выходить, значит, будут с них налоги капать и новые рабочие места создаваться. А то, откуда эти деньги взялись, и что там в прошлом у уважаемого ныне бизнесмена Вячеслава Сестринского... Стоит ли в этом копать? В конце концов, если внимательно присмотреться к истории какого-нибудь из нынешних американских или европейских миллионеров, выяснится, что или папа у них или дедушка бандитом был не лучше Бати. Вон Морган в Англии начинал с того, что под черным флагом плавал, а закончил губернатором немаленького острова. И не бедняком наверняка.

Прав был все-таки Карл Маркс, не добываются крупные состояния честным путем. Но самое неприятное для общества время, это начало такого пути. Больше всего грязи и крови как раз в начале. Так стоит ли того, кто это начало уже прошел, назад тянуть? Хуже ведь только сделаешь. Можно, конечно, вспомнить про справедливое возмездие, но, как считал генерал, в таких случаях его лучше оставить на усмотрение высших сил. А самим заниматься беспредельщиками – от них большая часть зла, именно от них.

– У меня все. – Голос полковника, дожевавшего наконец свой доклад, прервал размышления Комарова.

Генерал кивнул, снова посмотрел на часы. Без четверти одиннадцать. Все, пора закругляться.

– Кто-нибудь еще хочет выступить? – спросил Комаров.

– Константин Георгиевич, у меня тут есть просьба о содействии от областного УИН, – заговорил другой полковник, начальник РУБОПа. – Они нам передали список эков, которые у них числятся в бегах, просят оказать содействие в поимке и обратить особое внимание на

тех, кто у них сбежал за последний месяц. Там человек двадцать народу, а буквально вчера еще двое прибавилось, во время пересылки ушли.

– Беглыми пусть уиновцы сами занимаются, – подал голос заместитель Коробова. – У нас своих забот хватает. Наше дело преступников ловить, а уж уследить за посаженными их опера и сами могли бы.

Прочие присутствующие одобрительно зашумели – отношения между УВД и Минюстом, к которому теперь принадлежало Управление исполнения наказаний, были далеко не безоблачными.

– Сейчас же весна началась, у них постоянно кто-то сбегать будет, – раздался еще чей-то голос. – Что ж нам, все бросать и по тайге их ловить? Нет уж, пусть уиновцы свой хлеб сами отработывают.

– Содействие мы им окажем, – постановил Комаров. – В установленных законом рамках. Включим всех их новых беглецов в списки разыскиваемых лиц. Но особенно сильно людей из-за этого не напрягайте, нам и правда своих забот хватает. – Это было как раз то, что и хотели услышать собравшиеся, и шум быстро затих. – На этом объявляю заседание закрытым, – сказал Комаров, покосившись на часы. – Но попрошу пока не расходиться, мне нужно вам одного человека представить.

Он ткнул в кнопку селектора и спросил:

– Игорь, Захарович подошел?

– Да, Георгий Константинович.

– Пусть заходит.

Через минуту дверь открылась, и на пороге появился среднего роста мужчина в штатском. Генерал встал и шагнул вошедшему навстречу. Сам он видел его первый раз – до этого они только разговаривали по телефону – и потому смотрел на вошедшего с интересом. Впечатление тот производил странное и, на первый взгляд, скорее неприятное. Бледная ноздреватая кожа на его лице была покрыта какими-то странными розовыми пятнами, то ли оспинами, то ли следами от угрей, то ли полузажившими прыщами, которым вроде бы уже в таком возрасте и неоткуда взяться. Крупный нос картошкой нависал над толстой верхней губой, украшенной редкими белесыми усиками, подбородок был совершенно прямоугольным, но мужественности облику вошедшего это почему-то не придавало. Глаза светло-синие, водянистые, очень близко посаженные, а общий вид лица почему-то вызвал у генерала вполне определенные ассоциации с обыкновенным красным кирпичом.

Пожимая гостю руку, Комаров почувствовал, что ладони у того влажные.

– Позвольте представить вам старшего следователя Генпрокуратуры по особо важным делам, советника юстиции Захаровича Андрея Михайловича. Его прислали к нам из столицы в долговременную служебную командировку. Кстати, родом он из Магадана, наш, можно сказать, земляк. Прибыл к нам с самыми широкими полномочиями. Нам предписано оказывать Андрею Михайловичу оперативное обеспечение и любую другую необходимую помощь. Это касается вас всех. Короче, товарищ советник юстиции, сразу ввожу вас в курс дела: это мой первый зам Виталий Юрьевич Зимин, это начальник РУБОП Дорошенко Игорь Савельевич...

Комаров по очереди представил московскому гостю всех присутствующих, а потом вернулся на свое место.

– Ну вот, теперь вы всех знаете, если будет что-нибудь нужно – обращайтесь.

– Спасибо, – низким, утробным голосом ответил Захарович. – Я очень рад познакомиться с вашим коллективом. Сам я действительно родом отсюда. Правда, в Москву еще ребенком переехал. Но очень рад, что теперь получил задание, связанное с работой здесь. Сами понимаете – малая родина. А меня сейчас вообще сюда тянет. Пенсия скоро. Я решил, что, как выйду на пенсию, переберусь из Москвы сюда. Домой. Поэтому мне сейчас особенно важно...

Говорил Захарович короткими предложениями, делая после каждого из них почти секундную паузу, словно хотел, чтобы сообщаемая им информация как можно лучше закрепилась в памяти благодарных слушателей. Учитывая, что понес он дальше жуткие официозные банальности про истоки, корни и свое горячее стремление защитить малую родину от бандитских посягательств, звучало это довольно комично.

– Герой, мать его так. Рыцарь без страха и упрека, – негромко шепнул начальник отдела по незаконному обороту драгметаллов, сидевший неподалеку от Комарова, своему соседу, начальнику СКМ. – Знаем мы таких рыцарей. Сначала долгосрочная командировка у него с широкими полномочиями, а там и вовсе сюда переедет, кого-нибудь из наших скovyрнет и на его место сам сядет. Со столичной помощью-то это нетрудно, плавали, знаем. Приисками будет заниматься, не иначе.

– Точно, – кивнул начальник СКМ. – В Москве менты уже все между собой поделили, а теперь вот те, кому куска не досталось, за нас взяться решили.

Комаров, который слышал этот разговор, замечания своим людям не сделал. В основном потому, что в глубине души был вполне с ними согласен. В его практике такие случаи уже бывали – прилетит такой вот столичный орел, ни за что не отвечающий, но с широкими полномочиями, поживет недельку-другую, а потом начинает на голову гадить. И с преступностью-де здесь плохо борются, и сами все писанные правила через раз нарушают, и если сажают, то не тех, и вообще, дорогу – и то на красный свет переходят. В общем, все тут плохо, но вот если поставить его, столичного орла, на какой-нибудь ответственный пост, то моментально станет все хорошо. И оборот левого золота кончится, и с зон зэки бежать перестанут, и рыбу японцам толкать никто не будет, а по периметру Магадана пальмы вырастут. И ведь что самое обидное, иногда такие номера проходили, садились столичные гости на здешние теплые места.

«Ну уж нет, на этот раз номер не пройдет! – подумал Коробов, пристально рассматривая разглагольствующего москвича. – Еще такого подчиненного мне не хватало».

3

– Колян, на фиг нам на эту сопку лезть? – выдохнул Череп в спину Колыме, идущему шагах в трех перед ним. Оба беглеца поднимались по склону высокой сопки, поросшей лиственницей и елями.

– Осмотреться надо, Андрюха. Сориентироваться, – не оборачиваясь, отозвался Колыма. – Карта у нас хорошая, но все же осмотреться не помешает. А заодно, может, речку какую-нибудь увидим с вершины.

– На фиг нам речка?

– Следы прятать. В детстве книжки читал? Войдем в одном месте, пройдем по воде вдоль берега, а выйдем в другом. Собаки след и потеряют. Старый трюк, но действенный.

– Ты же следы табаком засыпал! Говорил, он собакам нюх отобьет! – недовольно сказал Череп.

Колыма и правда спустя пару часов после побега, едва они успели углубиться в тайгу, добрую четверть взятых у охранников сигарет потратил на то, чтобы засыпать следы. А теперь выясняется, что придется еще и по речке топтать!

– Отбить-то отобьет, – ответил Колыма, – но если с собаками человек пойдет опытный, то он по тому, где они чихать начнут и в стороны рыскать, определит, куда мы пошли. А как определит, отведет собачку подальше и пойдет по кругу, рано или поздно на след наткнется.

– Так и с рекой та же фигня! Можно собак вдоль берега пустить, рано или поздно нам же все равно выходить придется!

– Так-то оно так, но они знать не будут ни в какую сторону мы двинули, ни на каком берегу вышли. Пока все проверят, времени много уйдет, вот мы на этом и выиграем. Тем более, в паре мест мы выходить не будем, а табаку насыплем. Собака опять собьется, проводник ее кругом водить станет, еще больше отстанут. Нам сейчас главное – время выиграть, оторваться подальше.

Колыма говорил спокойно и обстоятельно. Сейчас он вспоминал, как сам первый раз попал в тайгу, при таких же, кстати, обстоятельствах, как и Череп сейчас, при побеге. И как его тогда всем этим премудростям учил Нестер, старый блатарь, погибший несколько лет назад во время бунта на якутском этапняке. Сейчас пришла его очередь передать эти знания дальше по цепочке.

Через несколько минут блатные добрались до вершины сопки. Она возвышалась над вершинами самых высоких лиственниц метров на десять, и видно отсюда было далеко. Однако Колыма не удовлетворился этим.

– Помоги-ка, Череп, – обратился он к корешу, подзывая его к одной из стоявших на вершине лиственниц. – Подсади меня.

Череп подошел, сцепил руки в замок и помог Колыме добраться до нижней ветки. Дальше дело пошло быстрее – через несколько минут сверху перестала сыпаться кора, блатной долез, куда хотел.

– Порядок, – сказал Колыма, через несколько минут спустившись вниз. – Сейчас небольшого крюка на восток дадим, там километрах в трех как раз подходящая речушка. Шириной метров десять, и неглубокая.

– Откуда ты знаешь, что неглубокая? – недоверчиво спросил Череп.

– А по цвету видно. Она под солнцем светло-голубым отливает, значит, не больше полуметра глубиной. Иначе цвет темнее был бы. Ладно, пойдем. – И Колыма шагнул к восточному склону сопки.

Череп шагнул следом, посмотрев на Колыму с уважением.

Надо же, четыре ходки у человека за плечами, да и возраст уже не самый ранний, а силен! На сопку влез, на дерево забрался и без отдыха вниз собирается. Он сам, хоть и моложе, а и то за время, пока Колыма на лиственницу лазил, только-только отдышался. Вообще, Череп уже успел осознать, что с товарищем по побегу ему здорово повезло. По паре обмолвок Колымы он понял, что побег этот у него далеко не первый, и тайгу он знает. А без этого знания даже весной выжить здесь было бы трудно. Например, Череп прекрасно понимал, что сам бы он не догадался лечь спать на здоровенном камне, подложив под бок хвороста, лег бы просто у костра. Но Колыма предупредил его, что как раз так и можно себе почки поотморозить. Слой почвы тут тонкий, а под ним вечная мерзлота. И костром от нее не спасешься. А камень за день от солнца худо-бедно нагревается, так что если с боку на бок вовремя переворачиваться, то переночевать на нем можно без особого ущерба для здоровья.

Вообще идти по тайге пока казалось не так трудно, как скучно. Пейзажи были на редкость однообразными – бесконечное море лиственниц, редкие сосны и ели, в основном на вершинах сопки, заросли папоротника и можжевельника. Идти было нетрудно, но вот понять, куда идти... Здесь Черепу снова приходилось полностью полагаться на Колыму, который, судя по всему, ориентировался прекрасно. Вот и сейчас, изредка поглядывая на компас, Колыма уверенно пробирался через лес шагах в пяти впереди Череп, выбирая наиболее удобный путь, в обход поваленных стволов и особенно густых зарослей кустарника. Минут через двадцать сквозь просвет в деревьях впереди блеснула река.

– Ага, – довольно хмыкнул Колыма. – Вот она. Давай, Череп, скидывай сапоги и штаны закатывай. – Сказав это, Колыма сам нагнулся и принялся стягивать кирзачи.

– Что, прямо так пойдем? – с легкой растерянностью в голосе спросил Череп. Он прекрасно понимал, что температура воды в речке сейчас в лучшем случае градуса три. И по такой босиком идти?

– А как же? – отозвался Колыма. – Так тебе и идти будет легче, и сапоги с портянками сухими останутся. Как вылезем, быстро согреешься.

Череп несколько секунд поколебался, а потом с недовольным вздохом тоже принялся снимать сапоги. Колыма к этому времени уже разулся и зачем-то вернулся на несколько шагов назад, к лесу. В руке он держал взятый у начальника конвоя штык-нож.

– Что ты там ищешь, Колян? – окликнул его Череп. – Пойдем скорее! Холодно стоять!

– Погодь... Сейчас я веточку подходящую найду... – С этими словами Колыма подошел к невысокой лиственнице и сильно рубанул ножом по основанию одного из ее нижних сучьев.

Через несколько секунд в руках блатного оказалась примерно метровой длины палка, толщиной пальца в три.

– На фиг она тебе? – спросил Череп, недоумевающе наблюдая за Колымой.

– Увидишь... – Колыма вытащил откуда-то из-под бушлата моток бечевки и быстро примотал нож к концу палки. Череп пожал плечами, но спрашивать больше ни о чем не стал.

– Пошли, – скомандовал Колыма, подходя к речке, и первым вступил в ледяную воду.

Даже на юге России в середине мая купаться не очень приятно. А про север и говорить нечего. Ноги блатных обожгло холодом, а спустя считанные секунды они практически полностью онемели и потеряли чувствительность. Ощущения как при местном наркозе, невозможно даже почувствовать, куда наступаешь: на мягкий гладкий песок или на острый камень.

Чтобы немного отвлечься от обжигающего холода, Череп заговорил:

– Колян, а на фиг мы на юг идем? Вертухай ведь, когда до речки дойдут, сразу догадаются! Надо на север идти, а потом по берегу крюка дать!

– Нет, Череп, – отозвался Колыма. – Вот если бы за нами кто неопытный шел, тогда бы я сам на север повернул. Но вертухай-то не первый раз беглых ловят. Что мы на юг пробираемся, они уже поняли. И как раз этого от нас и ждут, что мы их запутать попытаемся и на север по реке ломанем. А мы как раз наоборот поступим. И крюка делать не придется – уже считай час

выиграли, и проверять они в первую очередь север пойдут, еще часов пять наши, пока они с собаками в ту сторону оба берега прочешут. А если у них собака одна, то совсем отстанут.

– Хитер ты, Колян. Как бы себя не обхитрил.

– Ничего Андрюха, не менжуйся. Если эта мутка не пройдет, у меня еще в запасе есть. Например, можно... – Не договорив, Колыма сделал молниеносное движение правой рукой, и палка с примотанным к концу ножом ушла под воду.

– Что... – начал Череп, но в следующий момент уже все понял без слов. На вытащенном из воды ноже билась здоровенная рыбина с темной спиной и серебристыми боками.

– По-орядок! – довольно протянул Колыма. – Вот нам и ужин. Череп, возьми ее, понеси, может, мне еще попадет. Только не урони, она хоть и раненая, но, если в воду попадет, уплывет.

– Ну ты даешь, Колыма! – удивленно сказал Череп, принимая тяжелую, килограмма на два, рыбину. – Где ты научился так?

– Да тут и учиться нечему. Главное, чтобы реакция хорошая была – увидишь ее под водой, и бей посильней. Вот и вся наука.

– Что это за рыба-то?

– Нельма. Ел такую?

– Есть-то ел, но только из магазина.

Колыма кивнул, но продолжать разговор не стал – он повернул к берегу и высыпал на песок немного табака. Потом вернулся к Черепу, и они пошли дальше. Еще минут десять блаженные шли по воде, а потом Колыма негромко сказал, что по реке идти хватит и начал забирать к берегу. И вовремя – Череп уже не чувствовал ног ниже колен, и мерзкий холод с каждой секундой поднимался все выше.

– Сейчас, как выйдем, сразу растирай ноги, – сказал Колыма. – Да посильнее.

– Л-лад-дно, – пролязгал зубами Череп. – З-зря мы сюд-да полезли, если какая-нибудь б-болячка прошиб-бет, з-здесь и останемся.

– Не прошибет, ты, главное, растирай посильнее, – ответил Колыма, выходя на песок. Он отошел на два шага от воды, сел на землю и принялся что было сил тереть побелевшие ноги. Его примеру последовал и Череп, негромко шипя сквозь зубы какие-то ругательства.

– Ладно, хватит, – минут через десять сказал Колыма. – Пошли.

– Колян, может, костер разожжем, погреемся? – предложил Череп.

– Не стоит. Мы сейчас на ходу согреемся лучше, чем у костра. Да и задерживаться не стоит.

– Ну, как скажешь...

И снова потянулся путь через тайгу. Но теперь Коля Колыма немного расслабился. Он чувствовал, что погоня если и не совсем слетела с хвоста, то уж поотстала порядочно. Теперь он позволял себе время от времени уклоняться от основного направления движения, чтобы сорвать с куста несколько горстей прошлогодней кислицы, или нагнбался за морошкой. Без погони самой страшной опасностью, которая могла угрожать беглецам, был голод, и Колыма предпринимал меры заблаговременно.

– Это-то нам на фиг?! – спросил Череп, когда Колыма вернулся из кустов с длинной гадюкой в руках.

– Как зачем? Жрать, – с легким удивлением в голосе ответил Колыма. – А в чем проблема, Череп? Ты ж не фраер, на киче, бывало, и не такое жрали.

– Так то, когда больше ничего не было. А сейчас ты рыбу поймал, да и тушенка есть.

– Тушенку на самый край оставим. А рыбу мы сегодня съедим, а как завтра повезет, неизвестно. Надо, чтобы запас был. Змею сегодня вечером на костре зажарим, значит, завтра точно со жратвой будем.

– Да ладно тебе, Колян! Что, получше кого-нибудь не поймаем?

– Всякое может быть. Если поймает – выкинуть никогда не поздно, – с неодобрением в голосе сказал Колыма. Он не одобрял людей, которые живут только сегодняшним днем и совершенно не думают о будущем, а Череп был как раз из таких, это он еще на зоне за ним замечал.

Постепенно в лесу темнело. Солнце еще не скрылось за горизонтом, но в тайге уже царил полумрак, редкие лучи света терялись среди веток.

– Колян, смотри, вон камень подходящий. – Череп кивнул на здоровенный серый валун, который огибала еле заметная тропка, по которой они сейчас шли. Камень и правда был хороший, даже лучше того, на котором они провели первую ночь – более широкий и плоский, с такого ночью не свалишься.

– Пройдем еще маленько, – ответил Колыма. – Может, что получше подвернется.

– Да куда уж лучше! Самое то, что надо.

– Да я не про камень. Может, сейчас зимовье будет, по всем признакам похоже.

– Что за зимовье?

– Обычное, охотничье. Люди, когда на охоту надолго ездят, да не один раз, а каждый год, ставят себе в тайге зимовья, домики такие маленькие.

– А с чего ты взял, что мы сейчас его найдем?

– По этой тропке не только звери, люди тоже ходили. Я пару зарубок видел.

– Так, может, до этого зимовья еще полдня идти!

– Нет, – покачал головой Колыма. – Вон, видишь пенек? Посмотри внимательнее, там на нем зарубки от топора. Стояло сухое дерево, а его свалили, то ли на дрова, то ли как раз на строительство зимовья. Издалека бы его не потащили, а я таких пеньков уже штук семь вдоль тропы насчитал. Значит, уже близко.

Череп недоверчиво хмыкнул. Он был человеком городским, и все эти лесные приметы казались ему делом ненадежным. Но спорить с Колымой, конечно, не стоило – в конце концов ориентируется он здесь явно лучше. Да и к камню вернуться можно будет, если это зимовье они так и не найдут.

Однако Колыма оказался прав. Минут через пять тропинка вывела беглецов на поляну, в дальнем конце которой темнел невысокий домик, сложенный из неошкуренных бревен.

Колыма спокойно двинулся к нему.

– Погодь, Колян! – громким шепотом окликнул его Череп. – А не нарвемся мы здесь на кого?

– Нет, – покачал головой Колыма. – Сейчас же весна, все охотники уже разъехались. Пойдем.

Внутри зимовья оказалось довольно уютно. Вдоль двух стен шли широкие нары, в одном из углов стоял грубо сколоченный, но крепкий стол, а в другом чернела печка-буржуйка, рядом с которой лежали уже готовые нарубленные дрова.

– А дрова откуда? – удивился Череп.

– Оставил хозяин, когда уходил. Принято так. Чтобы если кто с мороза придет, сразу согрелся. Раньше в таких зимовьях и продукты кое-какие оставляли, но сейчас-то уж вряд ли. Времена не те. Ладно, давай разводи огонь, а я пока рыбу разделаю.

Через час оба блатных уже лежали на нарах, укрывшись нашедшимися в зимовье одеялами и глядя на огонь. Они были сыты и чувствовали себя в относительной безопасности, а чего еще надо беглому эзку? Разве что знать, что дальше будет так же. Об этом сейчас и подумал Череп.

– Слышь, Колян, а что это за пацан, который нам должен помочь? Ну, ты говорил, с ксивами поможет, с лавэ на первое время? И как нам, долго еще до него идти?

– Дней семь, если пойдем нормально. А кто он такой? Золотой пацан, вот увидишь. Я его уже давно знаю, было дело – он мне помогал, было дело – я ему. В общем, знаем друг друга.

– А верить ему точно можно?

– Точно. Когда придем – сам увидишь.

Череп понял, что рассказывать о своем кореше подробнее Колыма сейчас не хочет, и не стал настаивать. Какая разница, кто он такой, в конце концов? Главное, чтобы ментам не сдал! Но раз Колыма ему верит, значит, не сдаст. Колян человек битый и осторожный, кому попало бы не доверился.

С этими успокоительными мыслями Череп и заснул.

4

Нетрадиционной медициной в наше время никого не удивишь. Скорее наоборот, удивление вызывают люди, так за всю жизнь ни разу и не попробовавшие полечить свои болячки у разного рода знахарей, ведунов, народных целителей и знатоков восточной медицины. Однако несмотря на громкие заявления и обширные обещания, большая часть подобного рода публики при ближайшем рассмотрении оказывается обыкновенными жуликами и шарлатанами. Правда, привлечь их к законной ответственности бывает крайне трудно. Кто докажет, что волшебный настой на семи травах и мышьином помете от целителя международной квалификации бабки Матрены не оказал лечебного действия на остеохондроз клиента? Ах клиенту лучше не стало? Так, может, без бабкиного настоя он бы и вовсе помер! Ничего не докажешь – и этим обстоятельством, а также легковерностью российского народа мошенники благополучно и пользуются.

Правда, последнее время даже падкие на экзотику граждане нашей страны, успев пару раз обжечься на всяких жуликах, постепенно стали возвращаться в лоно традиционной медицины. Особенно те, кто побогаче – благо возможности у современных врачей при соответствующем финансировании очень и очень обширные. Но из всех правил бывают исключения.

Такое исключение и представлял собой кабинет иглотерапии «Мастер», расположенный в самом центре Магадана. Здесь действительно умели лечить, и никто из клиентов на Сизоку Токудзаки – владельца салона и одновременно главного мастера – никогда не жаловался. В общем-то, это и понятно – Сизоку научился своему искусству не в каком-нибудь поселке Большие Бодуны на трехмесячных курсах с выдачей свидетельства международного образца, а от отца, который, в свою очередь, унаследовал его от деда, и так далее, неизвестно на сколько поколений в глубь времен. Так что свидетельства у Токудзаки вообще никакого не было. Ни международного образца, ни какого другого. Но зато именно у него лечилась половина самых влиятельных и богатых людей Магадана – результат у старого мастера всегда был налицо и стоил потраченных на лечение денег.

Кабинет иглоукалывания выглядел очень изящно.

Оформлением «под Восток», как и нетрадиционной медициной, удивить кого-нибудь сейчас трудно, но над своим кабинетом Токудзаки поработал лично, не привлекая так называемых профессиональных оформителей. А потому была в его обстановке та самая неуловимая восточная изысканность, которую, как ни бьются, но все равно не могут воспроизвести западные дизайнеры. В дальнем углу кабинета стояли несколько растений в горшках, настоящий мини-садик. Расположены они были на первый взгляд совершенно беспорядочно, но если приглядеться, то весьма гармонично. Одно из растений, кстати сказать, было знаменитой сакурой, японской вишней. Той самой, цветение которой обитатели Страны восходящего солнца считают самым совершенным зрелищем на земле.

Рядом с деревьями негромко журчал маленький фонтанчик, струя воды, выходя из рта серебряной рыбки, падала в каменную чашу. Стены кабинета покрывали легкие шелковые полотна, расписанные яркими красками, – росписи были сделаны вручную и привезены сюда из Японии. На полу лежали циновки – тоже настоящие, ручной работы, украшенные красивым геометрическим узором.

Единственным элементом, резко дисгармонизировавшим со всей обстановкой кабинета, был клиент мастера Токудзаки. Это был толстый черноволосый мужчина лет сорока пяти, лежавший сейчас на покрытой тонким льняным покрывалом кушетке, стоявшей в центре кабинета. Спина его была покрыта жировыми складками, широкие и когда-то, наверное, довольно сильные плечи тоже основательно заплыли жиром, кожа была бледного, нездорового оттенка. Над поясницей лежащего покачивалось несколько десятков разноцветных игл, еще штук пят-

надцать были воткнуты в спину вдоль позвоночника, образуя своеобразный гребень. Выглядело это довольно жутко, однако боли пациент не испытывал ни малейшей – Токудзаки знал, куда и как колоть. Сейчас старик-японец, в шелковом расписном кимоно, с заплетенными в косичку черными волосами, склонился над жирной шеей своего клиента.

– Акиро, подай синюю иглу, – с едва заметным акцентом приказал мастер невысокому юноше-японцу, стоявшему позади него с несколькими иглами наготове.

Юноша мгновенно исполнил приказ, и старик точным движением воткнул иглу лежащему на кушетке мужчине в основание шеи. Тот даже не шелохнулся – укола он просто не почувствовал.

– Красную иглу, Акиро, – скомандовал старик.

Ученик немедленно дал требуемое.

– Сизоку, а почему ты со своими всегда по-русски разговариваешь? – неожиданно спросил лежащий на кушетке мужик. Голос у него был уверенный и громкий, чувствовалось, что его обладатель привык командовать. – Вам же проще по-своему, наверное.

– Невежливо, Дмитрий-сан, разговаривать в чужой стране на языке, которого ее жители не понимают. Мы у вас в гостях, значит, должны говорить по-русски. Когда в нашу страну приезжают американцы, они всегда удивляются, почему наши люди, которые в Америке говорят по-английски, требуют переводчика. А причина как раз в этом – нужно всегда быть вежливым.

– То есть что же, если, например, в Японии тебя какой-нибудь американец по-своему спросит, как ему в гостиницу пройти, ты не ответишь? Так, что ли? – с удивлением в голосе спросил названный Дмитрием мужик.

– Конечно, не отвечу, Дмитрий-сан. Если он хочет говорить и понимать, пусть учит язык страны, в которую приехал.

– А если у тебя русский то же самое спросит? Не ответишь?

– Конечно, нет. Какая разница – русский язык или английский? В Японии должен быть только один язык – японский. Акиро, сиреневую иглу. – Эту иглу японец воткнул уже не в шею, а в основание головы своего пациента.

– Станный вы народ, – протянул лежащий.

– Любой чужой народ кажется странным, Дмитрий-сан. Я прожил в России тридцать лет, но так и не понял вас.

На самом деле Токудзаки даже немного преуменьшал. Он прожил в России, вернее сначала в Советском Союзе, а потом в России, не тридцать, а все тридцать пять лет. В сорок пятом году его, молодого офицера Квантунской армии, в Маньчжурии взяли в плен советские солдаты. До пятидесят третьего года в качестве военнопленного Токудзаки сидел на Колыме и в Хабаровском крае, пройдя добрый десяток разных зон. Как раз тогда он выучил русский язык, а поскольку сидел с блатными, то и по фене ботать научился. А когда после смерти Сталина его освободили, то выяснилось, что ехать японцу некуда. Его родные погибли при атомном взрыве в Нагасаки, а официальные власти признали Сизоку Токудзаки мертвым еще лет пять назад. Японец остался в Советском Союзе, на Колыме. Правда, уже не в качестве зэка, а вольнонаемным. Работал водителем, фельдшером, перепробовал еще несколько профессий. Но в конце семидесятых годов все-таки сумел вернуться на родину. Ценой огромных усилий ему удалось восстановить японское гражданство, и до начала девяностых годов он жил в Японии. А в девяносто втором почему-то решил вернуться в Магадан и заняться врачебным бизнесом. Дела у него очень быстро пошли в гору, и уже года через три он стал хорошо известным и уважаемым в городе человеком.

Да и неудивительно – у Сизоку лечились и крупные чиновники, и бизнесмены, и криминальные авторитеты – хороший доктор нужен всем. Соответственно, связями и возможностями Токудзаки обладал колоссальными. Известный факт – в прошлом году к нему на лечение попытался записаться вице-спикер областной думы, а японец ему отказал – времени-де не

хватает, не могу старых клиентов обижать. Ну, а раз уж старик мог позволить себе отказать такой шишке, то, видимо, уже имел в запасе кого покруче.

Одним из таких старых клиентов и был Дмитрий Родионович Лопатников – тот самый толстяк, который лежал сейчас перед японцем. У него уже давно болела спина, позвоночник.

Средства позволяли, и Лопатников перепробовал все, что можно, но до Токудзаки помочь ему никто не мог. А иглоукалывание японца хоть и не могло излечить болезнь до конца, но хотя бы здорово ее облегчало.

– Ох, отпускает помаленьку, – с облегченным вздохом сказал Лопатников. – Что бы я без тебя делал, Сизоку-сан?

Японец слегка улыбнулся – этот клиент добавлял к его имени уважительную приставку «сан» нечасто, хотя прекрасно знал, что обращаться по-другому не очень вежливо.

– Проклятая зона, – проговорил Лопатников. – Вот ведь правду говорят: что зэки, что охрана – все равно сидят. Правда, зэки-то хоть знают за что. А я вот, спрашивается, за какие преступления полжизни в тундре просидел, этих уголовников охраняя? Радикулит этот опять же – все оттуда. И это я еще, считай, дешево отделался, как-никак начальником лагеря был, жил прилично. А простые охранники?

Токудзаки снова усмехнулся. Он слышал все эти разговоры уже не один раз. И про неблагодарную работу начальника лагеря, и про тяжелую жизнь рядовых охранников, и про нажитый там Лопатниковым радикулит. Все это, конечно, правильно, но вот не провел бы этот толстяк лет тридцать на своей работе, так откуда бы у него сейчас деньги взялись? А деньги у него есть, и немалые. На одно лечение в его кабинете сколько уходит.

– А почему вы хоть теперь-то в Магадан не переберетесь, Дмитрий-сан? Все-таки поближе к цивилизации. Или вообще на материк махнуть можно... – Японец знал, что Лопатников живет где-то в полудиком поселке, рядом с золотым прииском, и в город приезжает только по делам или когда спину совсем сильно скрутит.

– Хватит и того, что мой брат цивилизованно живет, – ответил Лопатин. – А почему я в город не перебираюсь, ты и сам понимаешь. Золото... Я бы давно бросил свой прииск, да и дочери надо бы приличное образование дать, а это только в большом городе сделать можно... Но веришь – не могу. Сам понимаешь, как прииск затягивает! Я теперь без него жизни себе не представляю. Можно было бы, конечно, его на брата оставить, но ведь не сумеет он там как надо дела делать.

– Брат не родной? Сводный? – зачем-то уточнил Токудзаки, втыкая очередную иглолку.

– Вот-вот. То-то и оно, что сводный. Совсем на меня не похож. Такой раздолбай! Никакой коммерческой жилки, и в людях разбираться совсем не умеет. К тому же трусоват. Его на прииск поставить, так тамошние мои кадры им крутить будут как захотят! – В голосе Лопатникова звучала искренняя досада. Видимо, японец попал в больное место, напомнив о том, о чем он сам уже давно думал.

– Можно ведь не только на брата оставить прииск, – рассудительно заметил японец. – Найдите какого-нибудь дельного управляющего...

– Да? Чтобы он там все разворовал? – вскинулся Лопатников. – Не верю я никому настолько, чтобы прииск доверить. Вот и приходится самому уродоваться...

Лопатников еще некоторое время спускал пар, Токудзаки мирно поддакивал, начав уже вынимать иглолки. Сеанс иглотерапии был закончен. Теперь Лопатникову осталось только немного полежать на кушетке, полностью расслабившись, – так требовала методика Токудзаки.

Когда истекло отмеренное специальными песочными часами время, Лопатников поднялся с кушетки и принялся одеваться. Закончив с этим, он сунул руку в карман пиджака и вытащил небольшой, но очень весомый мешочек с золотым песком и протянул его старому японцу. Тот с поклоном принял плату – то, что клиент платит золотом, совершенно не удивило

и не смутило его, на Колыме это самая обычная валюта, используемая для большей части не совсем легальных операций.

– Это за месяц, Сизоку-сан, – сказал Лопатников.

– Хорошо, хорошо, спасибо. – Японец снова поклонился.

– Тебе спасибо. Что бы я без этих твоих иголок делал – ума не приложу, – ответил Лопатников и продолжил со смешком: – Да, оказывается, сесть на иглу это не так уж и плохо! Одного только никак не пойму – как у тебя это все-таки выходит? Ведь ни таблеток ты мне не даешь, и иголки эти у тебя ничем не смазаны, а как действует! Мне так быстро боли даже в Москве не снимали, в каком-то специальном институте, за офигенные бабки!

Японец снова вежливо улыбнулся – раскрывать секреты своего ремесла перед клиентом он, разумеется, не собирался.

Впрочем, Лопатников на это и не рассчитывал. Шутливые расспросы об иглоукалывании просто уже стали для него привычкой.

Лопатников уже совсем собрался уходить, но в этот момент по его лицу пробежала какая-то тень, словно он неожиданно вспомнил о чем-то важном. И точно – он тут же снова полез в карман и вытащил еще один мешочек, как две капли воды похожий на тот, что он только что отдал Токудзаки, но другого цвета и полегче.

– Слушай, мои люди тут недавно вот это нашли, – сказал Лопатников, возясь с завязками мешочка. – Посмотри, может, скажешь, что это такое? – Он протянул старику кусок породы с небольшим вкраплением металла серо-стального цвета.

Японец взял породу, повертел в руках, недоуменно поднял глаза на своего клиента:

– Почему вы у меня спрашиваете, Дмитрий-сан? Я ведь всего лишь врач, откуда мне такие вещи знать?

– Не прибедайся. Уж ты-то сможешь узнать. Кусок этот я тебе оставлю, поинтересуйся у кого-нибудь, у тебя знакомых полно...

Лицо старого японца посерьезнело, он еще раз повернул кусок породы в руках, прищурился, и на мгновение его лицо прояснилось, словно он узнал металл. Но это выражение исчезло раньше, чем Лопатников успел его заметить, и его сменила все та же вежливая восточная улыбка, словно намертво приклеенная к лицу японца.

– Не знаю, Дмитрий-сан. И сам не знаю, и спросить мне особенно не у кого. А почему бы вам к геологам с этим не обратиться? Это же по их части.

– Ну, ты же сам понимаешь, – с легким недовольством в голосе ответил Лопатников. – Бизнес у меня не то чтобы незаконный... Просто всем платить надо, никаких денег на это не напасешься. А если это какой-то ценный минерал, то все платы придется увеличивать. Лицензии всякие оформлять, ментам платить, в комитет по полезным ископаемым платить, а найдется кто-нибудь с кошельком потолще, так еще и отбить месторождение могут. Опасно это и сложно. А потом, даже если через все это пройти, придется налоги платить, а ты знаешь, сколько у нас за это дерут. Никакого золота не хватит! Хотя... Я тут уже кой-кого по своим каналам напряг. Насчет быстрой экспертизы.

– А я тогда зачем, Дмитрий-сан? Вам эксперты все и расскажут.

– Важная информация обязательно должна быть из двух независимых источников, – обронил Лопатников. – Проверка – дело важное, сколько раз уже я в этом убеждался.

– Это мудрое решение, Дмитрий-сан, – кивнул японец, – но я не очень подхожу в качестве такого источника...

– Это мне самому виднее, какой источник меня устраивает, а какой нет, – перебил его Лопатников. – Ты уж постарайся, а я тебя, если что, не обижу.

– Хорошо, Дмитрий-сан, – сдался наконец японец, – я сделаю что смогу.

– Вот и славно, – кивнул Лопатников и двинулся к выходу из кабинета.

5

– Делайте ваши ставки, господа! – громко предложил дилер – именно так правильно называется крупье – и выжидательно посмотрел на окруживший рулетку народ.

Время было уже позднее, а потому игроков в казино «Корона» собралось много. Правда, пока никого по-настоящему азартного и при этом богатого, – а на таких у него был настоящий нюх, – дилер у своего стола не видел. Публика была не особенно перспективная: пара толстых мужиков, в которых за версту можно угадать бизнесменов средней руки, которые скорее удавятся, чем сделают ставку больше ста баксов, трое крепких коротко стриженных молодых парней, похожих друг на друга, как однойцевые близнецы – криминальная «пехота», не иначе. От них тоже больших ставок ждать не стоит – уж очень ребята проигрывать не любят. На прошлой неделе один такой проиграл несчастные двести баксов, и вместо того чтобы спокойно отвалить, как и полагается нормальному человеку, попытался скандал устроить.

Собственно говоря, почему попытался? Устроил! И прежде чем его охрана скрутила, успел Вальке нос сломать, бедолага теперь не меньше двух недель на работу не выйдет – начальство не одобряет дилеров с распухшим лицом, а то, что травма получена, так сказать, «на производстве», решительно никого не волнует. Спасибо хоть не уволили. Дилер покосился на коротко стриженную троицу с опаской. Да, надо с ними поосторожнее, а чуть что – сваливать на хрен. Пусть охранники разбираются – им за это деньги платят.

Остальные собравшиеся у стола игроки внушали надежд не больше, чем бизнесмены и братки. Пара каких-то дам неопределенного возраста, ставящих по минимуму – то ли чьи-то подруги, коротающие время, пока кавалер в блэк-джек режется, то ли проститутки, ищущие клиента. Хотя нет, это вряд ли. Всех местных девушек дилер знал, а чужих бы к «Короне» никто и близко не подпустил. Последние трое игроков, стоявших чуть сбоку и пока не столько игравших, сколько смотревших, тоже казались дилеру птичками невысокого полета. Невысокий бледный парень, совсем молодой и с каким-то затравленным взглядом – первый раз в казино пришел, что ли? Еще какой-то прилизанный мужик с повадками мелкого чиновника и высокий черноволосый детина лет тридцати с лицом, почему-то вызывающим ассоциации с бразильскими сериалами. Этакий мачо. Может, хоть он поставит по-крупному? Ох, вряд ли, больно долго думает...

Однако на этот раз дилер ошибся. Когда он последний раз предложил делать ставки, черноволосый мачо неожиданно шагнул вперед и сказал:

– Сто баксов на красное!

– Принимается, – торопливо отозвался дилер и отгреб жетон своей лопаточкой. Жетон был один, и это говорило о многом – только люди, собирающиеся играть по-крупному, берут жетоны достоинством в сто долларов. Прочие предпочитают ту же сумму набирать вразбивку. Убедившись, что ставки сделали все, кто собирался, дилер раскрутил рулетку. Шарик весело затрещал и запрыгал по черно-красному полю, словно купаясь во внимании десятка людей, пристально следивших за каждым его движением. Постепенно вращение рулетки замедлилось, вот шарик с трудом забрался на очередной выступ, покачнулся и откатился назад, оказавшись на номере «двадцать один».

– Двадцать один, красное! – громко объявил дилер. Он был даже рад тому, что сделавший приличную ставку мужик выиграл – теперь есть шанс, что он, почувствовав вкус денег, будет продолжать до тех пор, пока не спустит все. А денег у него, судя по первой ставке, много.

– Делайте ставки, господа! – предложил дилер, распределив между игроками выигрыши и пододвинув к себе проигранные фишки.

Еще минут сорок черноволосый мачо раз за разом выигрывал все больше и больше. Ему здорово везло, а ставки он делал только на цвета, не рискуя ставить на номер или хотя бы сек-

тор. Дилер заметил, что некоторые другие игроки начали стараться ставить так же, как он – верный признак того, что в удачу мачо поверили. Постепенно на столе перед черноволосям скопилось штук тридцать стодолларовых фишек. Дилер начал понемногу нервничать и задумываться о том, не пора ли прибегать к некоторым специальным приемам, предназначенным как раз для таких случаев.

Однако прибегнуть к ним дилер так и не успел. Неожиданно у входа в казино раздался какой-то шум и крики. Игроки начали удивленно оглядываться, но в этот момент свет в зале мигнул и погас, а от входа раздался громкий приближающийся топот.

– Всем оставаться на местах – работает ОМОН! – послышался громкий крик, и тут же в темноте ярко вспыхнули несколько ментовских аварийных фонарей. – Всем приготовить документы! Ну, быстро!

Дилер тут же нажал на кнопку тревоги – про такие случаи их предупреждали особо. Если кто-то врывается, то плюй на то, кем они себя называют, хоть СОБРОм, хоть ФСБ, и подавай сигнал тревоги. Если и правда силовые органы, то хуже не будет. А может, это бандюки под видом ментов? Бывали случаи...

Но на этот раз менты были, судя по всему, самые натуральные, – десятка полтора автоматчиков в титановых бронежилетах рассыпались по залу, разгоняя темноту взблесками своих фонарей. Они словно искали кого-то – подлетали к каждой сгрудившейся у стола группке посетителей, что-то проверяли и тут же шли дальше, теряя к ним всякий интерес. Посетители казино, немного оправившись от неожиданности, начали возмущаться. Но менты в дискуссии не вступали. Справа раздался чей-то возмущенный голос, но следом за ним тут же послышался звук глухого удара и сдавленное оханье. Слева какая-то баба заголосила про свои права и мужа-депутата, однако на омовцев и это особого впечатления не произвело. Как и всегда во время зачистки, они действовали согласно своим правилам, и попадись им сейчас хоть сам губернатор, ему было бы лучше не спорить и спокойно сделать все, что говорят.

Через несколько секунд после начала зачистки со стороны бара послышался топот. Это неслись охранники казино. Раздался возмущенный крик:

– Что за херня?! Покажите ордер! И документы! – Дилер узнал голос Шапочникова, старшего сегодняшней смены охранников «Короны».

– Молчи, плесень! – раздался негромкий, но очень уверенный ответ. – А то будут тебе сейчас такие ордер и документы, что до конца жизни не забудешь.

– Нет, я не понял! – Темный силуэт начальника смены решительно двинулся навстречу возглавлявшему ментов громиле, но омовец сам шагнул вперед и резко ткнул старшего охранника под дых. Тот согнулся и осел, а его подчиненные мгновенно присмирели и предпочли отступить.

– Сохраняйте спокойствие! – еще раз крикнул мент. – ОМОН проводит зачистку, все приготовьте документы.

Омовцы тем временем сноровисто продвигались в глубь зала, и через несколько секунд три темные фигуры оказались у стола, за которым играл черноволосяй мачо.

– Все лицами к стене, руки на стенку шире плеч, ноги расставить! – скомандовал здоровенный громила в черной маске с автоматом и омовскими нашивками на рукаве.

– Что за беспредел вообще?! Идите... – Это попытался возмутиться один из трех братков. Но сказать, куда именно следует идти ментам, он не успел.

Омовец легким, скользящим шагом придвинулся к нему и резко двинул стволом автомата по печени.

– Еще вопросы есть?! Быстро, все к стене!

Больше в дискуссии вступать никто не пытался. И дилер, и посетители покорно встали у стены на «растяжку».

Омоновцы по очереди осветили их лица своими фонарями. На везучем брюнете латиноамериканского вида они неожиданно остановились, а потом стоявший позади всех омоновец что-то негромко бормотнул в рацию.

– С места не двигаться, не шевелиться! – рявкнул мент, увидев, что один из бизнесменов пытается сдвинуться в сторону. – Стоять спокойно!

Через несколько секунд послышались приближающиеся шаги, и к стоящим у стены людям подошли еще двое, явно из числа начальства. Рядовой омоновец молча показал на чернявого.

– Этот вам нужен, Андрей Михайлович? – спросил у подошедшего вместе с ним мужика командир ОМОНа.

– Сейчас проверим, – отозвался Захарович.

Это был именно он, и на нем единственном из ворвавшихся в казино не было маски.

– Документы! – резко приказал он черноволосому, подходя к нему вплотную.

– В кармане пиджака... А в чем проблема-то?

Захарович, не ответив, умело охлопал стоящего «на растяжке» по бокам и вытащил из его кармана паспорт.

– Посвети, – скомандовал он одному из омоновцев.

Луч мощного фонаря осветил первую страницу паспорта. На ней рядом с фотографией черноволосого мачо было написано: «Лопатников Алексей Родионович. Дата рождения: 04.11.75».

На лице Захаровича появилась довольная улыбка. Он кивнул омоновцам, и те, взяв Алексея Лопатникова под руки, потащили его куда-то направо.

– Эй! Это что такое?! – громко и возмущенно заорал Лопатников. – В чем проблема?! Куда вы меня тащите?! – Он попытался вырваться, но здоровенные омоновцы и с тремя такими, как он, легко управились бы.

Захарович и начальник омоновцев неторопливо двинулись за ними, командир ментов скомандовал своим отбой. Через несколько секунд в игровом зале не осталось ни одного омоновца. Еще спустя минуту кто-то догадался включить свет, и посетители, поняв, что все кончилось, возмущенно загомонили, обсуждая происшествие.

Тем временем яростно сопротивлявшегося Алексея Лопатникова дотащили до какой-то тесной подсобки и впихнули внутрь.

– Общайте его, – скомандовал вошедший следом за омоновцами Захарович. – Все, что найдете, давайте мне.

– Вы за это ответите! Что за беспредел?! Покажите документы! – надрывался Лопатников, но менты не обращали на это ни малейшего внимания.

Они тщательно обшарили все карманы задержанного, и через полминуты Захарович уже осматривал добычу: навороченный мобильник, бумажник с пачкой баксов и документами, ключи от машины, несколько стодолларовых фишек, носовой платок... И еще небольшой кожаный мешочек, в котором оказались несколько бесформенных зерен какого-то очень тяжелого металла серо-стального цвета, одновременно напоминающего и олово, и серебро.

Увидев его, московский следователь широко улыбнулся – судя по всему, его ожидания оправдывались.

– Разверните его, – приказал Захарович ментам.

Те немедленно повиновались, и взбешенный пленник встретился глазами с москвичом.

– Не знаю, кто ты такой, урод, но ты за это ответишь, я тебе обещаю, – брызгая слюной, прохрипел Лопатников. – Ты еще...

Повинуясь жесту Захаровича, омоновец несильно, но точно двинул задержанного в солнечное сплетение. Тот мгновенно замолк и выпучил глаза.

– Откуда у тебя это? – негромко спросил Захарович, подбрасывая на ладони вынутые из мешочка крупинки металла.

– От верблюда, – хрипло отозвался Лопатников. – Ну ты попал, мужик. – Видимо, полученный тычок просто сбил задержанному дыхание, но смирения не прибавил. – Ты теперь покойник, точно тебе говорю.

– А это что? – словно не слыша угроз в свой адрес, продолжал спрашивать следователь.

– Хрен в пальто!

– Андрей Михайлович, без толку здесь с ним разговаривать, – негромко сказал наблюдавший за всей этой сценой командир омовцев. – Надо его в управление везти и там уж побеседовать по всем правилам.

– Да, пожалуй, – словно бы нехотя согласился москвич, краем глаза наблюдая за реакцией своего пленника.

Реакция обнадеживала – когда тот услышал про управление и разговор по всем правилам, в глазах его явно мелькнул страх. Конечно, внешне Лопатников его никак не проявлял, наоборот, только яростнее ругался, но Захарович уже был уверен, что расколоть этого субъекта будет не самой сложной задачей.

* * *

Через полчаса Захарович уже сидел за столом в одном из кабинетов Магаданского ГУВД, отданном в его распоряжение, и внимательно смотрел на сидевшего напротив Лопатникова. Москвич не зря привез задержанного именно сюда, а не в горпрокуратуру. Магаданские менты, в соответствии с полученными сверху приказами, оказывали ему оперативную поддержку, но в суть проблем вмешиваться права не имели. Такое положение вещей, разумеется, было Захаровичу на руку – полный карт-бланш, делай что хочешь, никто не помешает.

– Ты, урод! – яростно сверкая глазами, шипел Лопатников, только больше раздражаясь от загадочного молчания Захаровича. – У меня брат – очень богатый человек. И связи у него кое-какие есть, полковник МВД как-никак! И я тебе обещаю, как только он узнает про эти твои фокусы, так ты в двадцать четыре часа из органов с таким волчьим билетом вылетишь, что тебя автостоянку охранять не возьмут! Понял, козел?!

Захарович только усмехнулся. Да, полковник МВД – это, конечно, фигура. Но фигура фигуре рознь, жаль, что этот красавчик такой простой истины не понимает. Хотя понимать-то он, наверно, понимает, просто еще не знает, с кем дело имеет.

– Ты хоть скажи, кто ты такой? – подтверждая последнюю мысль следователя, прорычал Лопатников-младший. – И что тебе от меня надо? – В этих вопросах Захарович, обладавший изрядным опытом таких разговоров, уловил пока еще едва заметную нотку растерянности и страха. Лопатникова явно нервировало поведение следователя. Слишком уж тот был спокоен, слишком уверен в себе.

– Это я тебе скажу, – наконец-то заговорил москвич. – Я – Захарович Андрей Михайлович, старший следователь Генпрокуратуры по особо важным делам, советник юстиции. Документы показать или так поверишь?

Лопатников приоткрыл рот, лицо его приняло удивленное и даже немного обиженное выражение.

– Так что ты меня братом-полковником не пугай, – продолжил москвич, поняв, что ответа не дожидается. – Мне он ничего не сделает. А вот я ему могу. Богатый он человек, говоришь? Так на богатого всегда управа найдется – налоговая полиция, ОБЭП или еще что в этом роде. А вообще, тебе бы лучше сейчас не о брате подумать, а о себе.

– Что вам от меня нужно? – Самоуверенности в голосе Лопатникова заметно поубавилось.

– Вот это уже деловой разговор. Мне нужно от тебя совсем немного. А именно: чтобы ты сказал, откуда у тебя это. – Москвич показал Лопатникову зернышко серого металла. Того самого, что был в отнятом при обыске мешочке.

– А какое вы право имеете меня допрашивать? – уже без угроз, но все еще довольно спокойно спросил Лопатников. – Я что, в чем-то подозреваюсь? Тогда предъявите обвинение, ордер, вообще объясните, с какой стати вы на меня ментов натравили и сюда приволокли. Я свои права знаю.

– Знаешь? Это хорошо. Приятно посмотреть, как в народе юридическая грамотность растет. Так вот я тебе что скажу: я тебя сейчас не допрашиваю. Допросы ночью, то бишь после одиннадцати ноль-ноль по закону вообще строго запрещены. Так что мы сейчас с тобой просто беседуем на добровольных началах. Если хочешь, можешь отказаться. Хочешь?

Лопатников замялся.

– Молчишь, – удовлетворенно сказал Захарович. – Наверняка потому, что хочешь узнать, а что будет, если ты от общения откажешься. Так ты не стесняйся, спроси. Я тебе отвечу.

– И что же? – Лопатников старался говорить спокойно, но голос у него все же дрогнул.

– А вот что. Я прикажу отвести тебя в камеру, там ты посидишь до утра, когда допрашивать тебя уже будет можно. И вот тогда мы поговорим официально, под протокол. И обвинение тебе тогда предъявят, честное слово.

– И какое же обвинение? Что я такого преступного сделал? Центробанк ограбил?

– Ну зачем же? Например, можно предъявить обвинение в торговле наркотиками. Скромненько и со вкусом. Насуем тебе в карманы кокаина, позовем понятых, оперов с видеокамерой, вот и будет материал для обвинения.

– Так вы ж меня в казино взяли! Там свидетелей до фига, что у меня ничего с собой не было!

– Да ну? Взяли тебя в зале, а обыскивали в подсобке. Вот там мужественные опера вкупе с честными понятными наркотики и углядели. И никакой брат-полковник тебе не поможет. Ясно?

– Да вы... Да я... – Лопатников явно не находил слов.

– Что, не хочешь, чтобы так было? Тогда колись. Что это за металл и откуда он у тебя? – Захарович снова показал на серую крупинку.

Несколько секунд Лопатников-младший колебался, но потом, видимо, решил, что опасность слишком реальна и заговорил:

– Что это за хрень, я не знаю. Это брат мне дал. Попросил отвезти к геологам, как раз чтобы они выяснили, что это такое. Вот я завтра и должен был отвезти это на экспертизу.

– Ясно. А ты, значит, вместо экспертизы в казино зарулил. А у брата это откуда?

– Не знаю. Честное слово, не знаю! Он же мне не докладывал. Мало ли... У Димана прииск есть, может, там нашел. Или кто из старателей принес.

– Если наврал, я тебе такое устрою...

– Да не наврал я! Как хотите можете проверить – все правда!

Следователь задумался. Лопатников сидел тихо, как мышь, со страхом думая, что будет, если тот ему не поверит. Но его опасения были напрасны. За годы работы в органах Захарович научился неплохо определять, когда ему врут, а когда нет, и сейчас весь его опыт говорил о том, что задержанный говорит правду. Ну а если так, тогда понятно, как следует действовать.

– Вот что, Леша, – тихим и почти ласковым голосом сказал Захарович. – Давай мы с тобой сделаем так. Несколько зерен этого металла я возьму себе. На память, так сказать, о нашем знакомстве. А остальное ты, как и обещал, отнесешь на экспертизу. Нехорошо обманывать старшего брата, заслуженного отставника МВД! Отнесешь, отдашь геологам, а результат честно сообщишь брату. Но не только ему. Копию дашь мне. Понял?

Лопатников-младший кивнул, с трудом веря, что удастся так легко отделаться.

– Только я тебя об одном предупредить хочу, – продолжил москвич. – Если ты расскажешь о нашей беседе брату – гнить тебе на самой страшной зоне! Имей в виду, я слов на ветер не бросаю.

– Не скажу я ему! Правда, не скажу! Да подумаешь, ничего страшного, пару зернышек и копию отчета об экспертизе вам отдать! Я думал, вы чего похлеще потребуете! А так ничего, я и перед братом ни в чем виноват не буду.

– Точно, – кивнул Захарович, тщательно скрывая презрение. – Все, можешь быть свободен. Вот тебе пропуск, покажешь прапору у выхода, он тебя выпустит.

Посветлевший лицом Лопатников радостно схватил подписанную Захаровичем бумажку и выскочил из кабинета.

– Ну и мразь, – негромко сказал ему вслед москвич, когда дверь за Лопатниковым закрылась. – Ну да ладно, хрен с ним. Зато обмануть побоится.

После этого Захарович склонился над столом и в который раз принялся внимательно рассматривать крупинку серого металла. «Что же это такое? – вертелись у него в голове назойливые мысли. – Неужели и правда то, о чем я сразу подумал?»

6

Колыма проснулся ранним утром – в воздухе между деревьями все еще стоял молочно-белый туман, а холодно было так, что зуб на зуб не попадал в самом прямом смысле. Блатной встал с наваленной кучи веток, на которой они с Черепом провели эту ночь, и принялся, негромко поругиваясь сквозь зубы, делать что-то вроде зарядки – разминать занемевшие за ночь мышцы. Немного согревшись, Колыма толкнул в бок спящего Черепа.

– Вставай, Андрюха. Двигать пора.

Как и Колыма, Череп проснулся мгновенно, и от холода, и благодаря старой лагерной привычке: пока можно спать – спи до упора, но когда приходит время встать, делай это быстро. Он тоже сделал несколько торопливых приседаний, помахал руками, растер грудь.

Колыма тем временем развязал самодельный узел, сделанный из бушлата одного из охранников, и вытащил оттуда два черно-багровых куса мяса. Это были две половинки белки – последняя оставшаяся у них еда, если не считать неприкосновенного запаса – тушенки. Эту белку Колыма подбил еще позавчера вечером, тогда же они ее и зажарили, но не съели – в тот день еда у них еще была. Но вчерашний переход был каким-то на редкость пустым, ни зверья, ни птиц по дороге не попалось, ни даже ягоды какой. Так что вчера они подъели практически все, оставив на завтрак только эту белку.

Половинки маленького зверька, разумеется, каждому из блатных не хватило и на один зуб, но все же это было лучше, чем ничего. Закончив есть, тщательно перемолов зубами даже наиболее мелкие косточки, блатные засыпали остальное пеплом костра и встали с места. Колыма достал карту, сверился с ней, посмотрел на постепенно светлеющее небо, указал рукой направление и сказал:

– Пошли, Андрюха.

Череп кивнул, и блатные тронулись с места. Они двигались через тайгу уже шестой день. Погоня давно осталась далеко позади, Колыма даже думал, что менты вовсе бросили преследование, поняв, что дело бесполезное. По расчетам Колымы, они с Черепом уже пересекли границы Магаданской области и теперь находились на территории Хабаровского края. Правда, блатной не знал, насколько они в него углубились и, соответственно, сколько еще осталось. Но теперь это уже не играло большой роли. Днем больше, днем меньше – велика ли разница? Вот разве что с едой что-то стало плохо. Если сегодня будет такой же день, как вчера, то придется браться за тушенку. Ходить по таким местам впроголодь нельзя – сил тратится очень много, их необходимо вовремя восстанавливать, иначе идти не сможешь или ночью замерзнешь. Можно, конечно, остановиться и попробовать поохотиться. Но это значит, что придется терять время. А если охота окажется безрезультатной? Правда, с другой стороны, если хорошенько постараться, совсем с пустыми руками вряд ли останешься...

Колыма долго обдумывал эту проблему и наконец решил, что поохотиться все-таки стоит. Нужно только дождаться, пока пойдут места, где много звериных следов, иначе можно и день, и два потратить, а никого, кроме какого-нибудь несчастного бурундука, не поймать.

Пока же тайга была на удивление пуста. За половину дня Колыме не попался никто, заслуживающий того, чтобы задержаться, даже следов видно не было. Было, правда, много мелких птиц с воробья размером, и мышинных нор. «Птичку такую хрен подшибешь, – мрачно думал Колыма. – А вот мыши... Если завтра так же будет, то придется начать их ловить. А то без жратвы ослабеет быстро. Эх, если бы здесь кедры росли, можно было бы хоть шишки прошлогодние собирать, одними орехами пропитались бы!»

Но кедров вокруг не было. Тайга, по которой сейчас шли блатные, была лиственничной, только изредка и помалу, в основном на сопках, попадались елки, а кедр за все время их путе-

шествия Колыма видел всего раза три, и, разумеется, все до единой кедровые шишки были уже давно выпотрошены таежным зверьем.

Ко второй половине дня тайга постепенно пошла под уклон.

Еще через полчаса земля под ногами стала сырой. Колыма понял, что они с корешем сейчас идут напрямик в болото. Он попытался свернуть немного в сторону, но лучше не стало. Колыма остановился.

– Что такое, Колян? Почему стоим? – За неделю совместного похода Череп уже привык идти, куда говорит Колыма, не спрашивая объяснений, но такого, чтобы Колыма среди ясного дня остановился и встал как пень, не пытаясь ни охотиться, ни сверяться с картой, за все это время не было ни разу.

– Подумать надо, как дальше пойдем, Череп, – ответил Колыма. – Видишь, какая земля под ногами стала?

– А какая?

– Мокрая. И идем все время немного под уклон. Не иначе болото впереди. Вот и надо решить, что делать будем – то ли напрямик переть, то ли обходить попробуем.

– Болото? Ну его на хрен, Колян, давай лучше обойдем!

– Я сначала тоже так хотел. Но мы вот уже полчаса идем не куда нам надо, а вбок, и земля суше не становится. Если болото большое, то мы его так можем дня три обходить. А жрать уже сейчас, считай, нечего. Да и заблудиться можно. А если мы тут с тобой заблудимся, то найдут нас уже только археологи. Лет через пятьсот.

– А как же карта?

– А что карта? Болота таежные на ней не обозначены. Да и вообще – карта хороша, если я знаю, где мы находимся. Пока я примерно знаю. – Колыма вытащил из кармана сложенную карту и развернул ее. – Вот смотри. Где-то здесь, – Колыма ткнул пальцем в какую-то точку на карте, – лагерь, в котором мы срок мотали. Из «блондинки» мы когти рванули где-то здесь. – Колыма чуть сдвинул палец в сторону Магадана. – А потом семь дней топали на юг. В день у нас с тобой километров по сорок-пятьдесят выходило, я думаю. Значит, сейчас мы где-то здесь, – Колыма ногтем обвел на карте небольшой кружок. А если мы теперь пойдем болото обходить и заблудимся, я ориентировку потеряю. Так что опасно это. Если бы еще была надежда, что это болото небольшое, так хрен с ним. Но они ж в тайге такие бывают, что на них какая-нибудь Бельгия задроченная целиком уместится.

– А что же делать?

– Выходит, что через болото тащиться придется.

– А как?! Мы ж там потонем!

– Ну, если пойдем умеючи, то не потонем. Главное, в трясину не загреметь, а само болото вещь неприятная, но не смертельная, если идти осторожно. Измажемся только как чушки, вымокнем и времени, конечно, кучу угробим. Ну, да деваться нам, кажется, особо некуда. Пойдем. – Колыма достал компас, сверился с ним и круто повернул на юг.

Скоро его предположения начали оправдываться. Земля становилась все более влажной, мокрой, потом под ногами захлюпало. Колыма остановился.

– Череп, срежь себе палку подлиннее и потолще. Длинной где-то роста в полтора, а толщиной в руку. Ну, или чуть тоньше.

– На фиг? Дорогу прощупывать?

– И для этого тоже. А еще – если когда по болоту пойдем и в окошко ухнешь, но успеешь ее поперек повернуть, то считай выбрался. А иначе засосет.

– Ясно... – мрачно отозвался Череп и, вытащив нож, принялся внимательно вглядываться в деревья, мимо которых они проходили. Вскоре оба блатных обзавелись подходящими палками.

Теперь они шли медленнее, а примерно каждые пять минут Колыма останавливался и делал на деревьях затесы, как он объяснил Черепу, на всякий случай, чтобы дорогу назад найти. Больше всего сейчас Колыма боялся заблудиться. Примерно через полчаса блатным пригодились срезанные палки. Они дошли уже до самого настоящего болота – с мутной водой по щиколотку, зеленой тиной, редкими кочками, желтой прошлогодней травой и всеми прочими прелестями. Колыма шел впереди, осторожно прощупывая дорогу, а Череп, стараясь ступать след в след, шел за ним. Иногда блатные чувствовали, как из-под ног у них уходит земля, один раз Колыма, неудачно ступив, завяз до середины бедра, но не запаниковал и сумел выбраться. Однако постепенно идти становилось все труднее и труднее. Число мест, на которые можно было хоть как-то поставить ногу, неуклонно сокращалось, а вода уже доходила почти до колен.

– Колян, поворачивать надо! – В голосе Черепы слышались истерические нотки. – Завязнем мы тут! Пусть уж лучше заблудимся, когда в обход пойдем, пусть хоть от голода сдохнем, но не потонем!

– Если еще хоть на ладонь вода поднимется, повернем, – не оборачиваясь, ответил Колыма. – А пока идем. Я все надеюсь, что, может, местность повышаться начнет, есть кое-какие признаки.

Череп не ответил. Ему все труднее и труднее было держать себя в руках. Спасало только то, что он прекрасно понимал: если запаникует – то тогда точно не выберется.

– Кажись, поменьше воды стало, – раздался голос Колымы. – Или кажется мне? А, Череп?

Череп посмотрел вниз и увидел, что вода теперь и правда плещется чуть ниже того края, по которому ткань штанов была мокрой. Значит, действительно меньше ее стало.

– Точно, Колян! А что это значит? Болото кончается?

– Ну, кончатся-то еще, может, и не кончается, – повеселевшим голосом отозвался Колыма, – но середину мы прошли. Теперь полегче будет.

Колыма чуть не сглазил. Через минуту один из беглецов чуть не распрощался с жизнью. Череп, сделав очередной шаг, чуть промахнулся мимо того места, куда ступил Колыма. А может, и не в этом было дело, а в том, что Череп выше, здоровее и как минимум килограммов на семь тяжелее Колымы. Но факт остается фактом – нога его вдруг провалилась вниз, Череп отчаянно вскрикнул, рванулся, но вот как раз этого-то делать и не стоило, трясина не любит, когда попавший в нее начинает биться и дергаться. Череп разом ушел по пояс, а спасательную палку повернуть поперек просто забыл – все мысли выбил из головы липкий, леденящий страх.

– Колян!!!

Но Колыма уже и так развернулся и шел на помощь корешу.

– Палка, Череп! Палку поперек клади! – рявкнул Колыма, но было уже поздно. Палка Черепы погрузилась в болото больше чем наполовину, и тонущий Череп ничего не мог сделать.

– Руку! Дай руку, Колян! – умоляюще крикнул Череп.

– Не ори! Биться перестань! Ну, быстро!! – Колыма стоял в трех шагах от тонущего.

Череп, каким-то шестым чувством уловивший, что сейчас ему надо слушаться Колыму беспрекословно, тут же затих. Болото медленно засасывало его.

– Колыма, руку дай!!

– Тебе сейчас рука не нужна. Бери палку, – Колыма повернул свой шест параллельно земле и, присев, протянул его Черепу, – держи крепко, клади на землю и опирайся на нее.

Длинный шест лег на землю, и теперь Череп опирался на него.

Погружение остановилось.

– Так, – ободряюще сказал Колыма. – А теперь старайся двигаться ко мне. Палку чуть продвинул – за ней подтянулся, еще продвинул – еще потянулся. Постепенно, медленно, хоть по сантиметру. Погоди-ка, сейчас я тебе ремень кину, полегче будет.

Череп схватил брошенный Колымой ремень и принялся, следуя советам кореша, постепенно вылезать из болота. Он приподнимал шест, клал его в нескольких сантиметрах дальше и медленно подтягивался туда. Колыма помогал ему, таща за свой конец ремня.

Минут через десять Череп выбрался из трясины и, тяжело дыша, сел прямо в воду.

– Плохо, что ты палку упустил, – сказал Колыма. – Второй мы на болоте не найдем. Теперь одному придется так идти. Смотри, если еще раз такое случится, палку ни в коем случае не выпускай. И сразу поперек поворачивай.

– Ладно... – выдохнул Череп. – Спасибо тебе, Колян. Век не забуду.

– Разочтемся еще, – ответил Колыма. – Пошли.

Колыма очень боялся, что Череп ухнет в трясину еще раз, но его опасения оказались напрасны. Болото словно махнуло на них рукой, не одолев с первого раза, и дальше они шли более-менее спокойно. Примерно через час вода уже не доставала и до щиколоток, а еще через полтора болото кончилось.

– Фу! – тяжело вздохнул Череп, останавливаясь. – А я думал, что уже не выберемся. Давай остановимся здесь, Колян, костер разложим, посушимся, поедим.

– Не стоит, Андрюха, – ответил Колыма. – Надо от болота подальше отойти, здесь мы точно ничего съедобного не найдем, а жрать что-то надо. Тушенки у нас мало, сам знаешь.

– Ладно тебе, Колян, часок посидим и пойдем дальше!

– Говорю же, не надо! Пойдем!

Череп подчинился, но лицо у него при этом было недовольное. Впрочем, когда через полчаса Колыма заметил сидящую на дереве белку и сумел, точно бросив камень, сбить ее на землю, недовольная гримаса исчезла с лица Черепа.

– Ну вот, хоть какая-то, а жратва, – довольно сказал Колыма. – Так, теперь еще надо затес сделать, на всякий случай.

Колыма вытащил нож и срезал кору с одной из лиственниц – получился затес, такой же, как те, которые он делал до того, как они вошли в болото.

– Слушай, Колян, а что это за фигня на дереве? – неожиданно спросил Череп. – На зарубку похоже, вроде тех, что ты делаешь, только старую.

– Где? – насторожился Колыма.

– А вон. – Череп показал на молодую лиственницу, мимо которой они только что прошли. На стволе дерева и правда виднелся затес, правда, не свежий, потемневший, но явно сделанный рукой человека.

– Точно, – кивнул Колыма. – Как же это я сам просмотрел? Смотри повнимательнее, Череп, если еще такие увидишь, мне показывай.

За следующие полчаса блатные насчитали еще семь старых затесов.

– Все ясно, – сказал Колыма. – Похоже, мы до более-менее обитаемых мест добрались. Скорее всего здесь или охотничья тропа проходила, или геодезическая трасса. Было это, конечно по-любому не в этом году, но все равно надо быть поосторожнее. Костер сегодня зажигать не будем.

– Ты что, Колян! Замерзнем! – вскинулся Череп.

– Не замерзнем. Когда я первый раз с зоны когти рвал вдвоем с Нестером, у нас с собой спичек не было, и ничего, не замерзли.

– А белку как жарить будем?

– А никак. Так съедим.

– Слушай, Колян, может, не будем херней маяться?! – Голос Черепа звучал раздраженно. – Нет тут никого! Сам же говорил, затесы не этого года!

Колыма в этот момент как раз перешагивал толстый ствол, упавший поперек тропинки.

– Не этого. Но все равно... – начал он, но тут сзади раздался короткий вскрик и громкая брань. Колыма резко развернулся. Череп валялся на земле рядом с поваленным деревом, лицо его было искажено гримасой боли.

– Что такое?!

– Упал... Нога...

У Колымы похолодело в груди. Он прекрасно понимал, что если Череп серьезно скурочил ногу, вытащить его он не сможет. Но обязательно попытается, потому что и бросить кореша не сможет тоже. А значит, обоим хана.

– Покажи! – рявкнул Колыма, опускаясь на землю рядом с Черепом. – Какая нога?

– Левая...

«Если перелом, то нам хана... Если перелом, то хана», – билось в голове у Колымы. Он взялся за пятку и носок левого сапога Черепа и принялся осторожным движением стаскивать его. Череп дико взвыл.

– Терпи! – прикрикнул Колыма. – Сапог по-любому снять надо, я ж через него ничего не увижу.

Череп скрипнул зубами, зарычал, но сапог уже поддался, и через секунду Колыма его окончательно стащил. Левая ступня Черепа была вывернута носком внутрь и буквально на глазах опухала. «Или вывих, или перелом, – подумал Колыма. – Надо проверить». Он чуть отодвинулся, сел поудобнее и стал осторожно щупать щиколотку кореша и место, где располагается сустав. Череп скрипел зубами, стонал, но держался. Через минуту Колыма убедился, что на перелом это все-таки не похоже. Кость цела, никаких обломков.

– Вывих у тебя, Череп, – сказал Колыма. – Считай, дешево отделался.

– Дешево?! Как я теперь пойду? Я ведь наступить на ногу не смогу!

– Сможешь... Вывихи вправлять я умею. Погодь-ка...

Чтобы вправить вывих, нужно сначала резко потянуть поврежденную часть тела на себя, а потом как бы повернуть в сторону, противоположную той, в которую конечность вывихнута – при этом вышедший из сумки сустав возвращается на место. Особого искусства тут не нужно, скорее сила и решительность. Коля Колыма вправлять вывихи и правда умел, этому его научили еще в мореходном училище, а когда он работал гарпунером на китобое, был случай, когда ему это умение приходилось и на практике применять.

Колыма присел поудобнее, крепко взялся за ступню Черепа.

– Ну, держись, Андрюха...

Резкий рывок, поворот... Череп заорал, но через секунду смолк и с удивлением уставился на свою ногу. Ступня теперь смотрела вперед, как и положено, а боль почти полностью прошла.

– Порядок, – сказал Колыма. – Ну-ка, попробуй встать. Только сразу всем весом на эту ногу не опирайся, постепенно...

С помощью Колымы Череп встал, но, попытавшись опереться на пострадавшую ногу, снова чуть не свалился.

– Не могу, Колян. Больно.

Несколько секунд Колыма молчал, прокручивая в голове разные варианты. Можно остаться здесь и подождать, пока Череп сможет ходить. Вряд ли это займет много времени – день-два, никак не больше. Но это опасно. Во-первых, им нечего жрать, а во-вторых, мало ли кто слышал крики Андрюхи. Значит, нужно валить. Тем более что они уже почти пришли, куда собирались, нужное место может в любой момент показаться из-за очередной сопки. Может, одному быстрее рвануть вперед? А добравшись до места и получив помощь, вернуться за Черепом? Нет, нельзя. Мало ли, сколько он еще будет добираться – а Череп на все это время останется совсем беспомощным. Хромой человек в тайге не выживет. Значит... Значит, вариант остается только один.

– Короче, так, Андрюха. Придется мне тебя на горбу тащить, – сказал Колыма. – Берись за шею, опирайся на плечи, а под ноги я тебя поддержу.

Череп не стал изображать благородство и отказываться, и через несколько минут блатные продолжили движение. Правда, теперь скорость уменьшилась раза в два.

Пробираться сквозь бурелом, заросли кустарника и папоротника со здоровенным Черепом на спине было очень нелегко. Примерно раз в полчаса Колыма делал привал и отдыхал минут по пять, но потом снова сажал кореша на спину и двигался дальше. На каждом привале Череп пытался пойти сам, но, хотя опухоль быстро спадала, ему это не удавалось. Даже костыль, сделанный из длинной палки с развилкой на конце, помог мало.

На очередном привале блатные съели подбитую Колымой белку. Коля осматривался по сторонам, надеясь увидеть еще какого-нибудь зверька, а Череп ощупывал ногу. Вдруг над тайгой раздался гулкий грохот. Блатные вскинули головы – звук донесся как раз с того направления, в котором они двигались.

– Что это еще за хрень? На гром вроде не похоже... – сказал Череп.

В этот момент гроыхнуло еще раз, а через несколько секунд еще.

Колыма, внимательно прислушивавшийся к этим странным звукам, слегка кивнул головой и негромко сказал:

– Нет, это не гром. Это взрывы, Андрюха. И притом совсем близко – не больше километра от нас. Хм... Интересно, кому и что понадобилось взрывать в тайге?

7

Захарович как раз встал из-за стола, когда раздался негромкий стук. Москвич шагнул к двери, распахнул ее и, не дав стучавшему даже слова вымолвить, неприязненно бросил:

– Все дела завтра, я уже уйду.

Молодой помощник магаданского горпрокурора, на которого старшие коллеги свалили неприятную обязанность помогать приезжему, от такой наглости на несколько секунд лишился дара речи. Вот это ничего себе! Ну дает – «все дела завтра»! Можно подумать, что это не его дела, что это кому-нибудь другому надо, а не самому господину Захаровичу! Ведь сам же говорил: «Как можно скорее, дело не терпит отлагательств». Разумеется, вслух молодой чиновник ничего этого не сказал, но о том, чтобы мысли не отразились на лице, сознательно не позаботился – много чести будет этому гусю столичному. Приказ помогать ему мы, конечно, не выполнить не можем, но пусть знает, что на задних лапках перед ним тут никто ходить не собирается.

– Вы же сами сказали, что результаты анализов вам принести сразу, как только они будут готовы, – недовольно проговорил парень, уже поворачиваясь к Захаровичу спиной.

– А у тебя что, результаты экспертизы той породы? – Голос москвича моментально изменился, стал заинтересованным.

– Да.

– Так быстро? – удивленно поднял брови Захарович. – Я же тебе образец только вчера дал.

– Вы же сами просили побыстрее. Вот я и нашел толковых специалистов. Сделали без очереди.

– А результаты надежные? – недоверчиво поинтересовался москвич.

– Если не верите – поищите сами других экспертов, – огрызнулся парень.

Это, пожалуй, было уже слишком нагло, но Захарович не обратил внимания на резкий тон – очень уж его интересовала принесенная информация. Он принял у парня папку с несколькими листами бумаги и повернулся к двери кабинета. Уходить он, видимо, раздумал.

Видя, что от него больше ничего не надо, парень, принесший результаты экспертизы, тоже развернулся и зашагал к лестнице. Он понимал, что чем скорее отсюда уберется, тем меньше шансов, что москвич придумает ему еще какое-нибудь идиотское поручение.

Впрочем, торопился он зря. Захаровичу сейчас было не до новых поручений – он уже сидел за столом и жадно читал результаты экспертизы того куска породы, который недавно отобрал у Лопатникова-младшего.

«Предложенный для исследования образец содержит самородную платину... Содержание платины около семи процентов, чистота металла высокая... Примесей в зернах металла – около десяти процентов... Анализ состава породы показал...» Далее следовал длинный список названий, половины из которых москвич не знал, против каждого названия были какие-то цифры, проценты, непонятные значки.

Захарович помотал головой. Главное он уже понял – старший брат Алексея Лопатникова где-то разыскал платиновое месторождение. Что ж, платина – это хорошо. Это значит, что его самые лучшие ожидания оправдываются. Но вот все эти примеси, проценты – он же не геолог, откуда ему знать, много это или мало? Перспективное месторождение или нет?

Конечно, платина – металл дорогой, она в два с половиной раза дороже золота, но все равно, бывают же и такие руды, где копать без толку – потратишь при добыче денег больше, чем заработаешь. Как узнать, не из таких ли и найденное Лопатниковым месторождение? Эх, ну зачем они всю эту цифирь написали, он же просил, чтобы заключение было написано человеческим языком. Хотя, может, там дальше это есть?

Захарович перелистнул несколько страниц и в самом конце нашел то, что его интересовало – короткое заключение, написанное явно в расчете на непрофессионала.

«Руда довольно богатая. Если месторождение большое, то разрабатывать его экономически очень выгодно. Сам металл высокого качества, почти не требует очистки, примесей мало. Рекомендуются...»

Дальше шло еще полстраницы рекомендаций по очистке, но Захарович это уже не читал. Главное ясно. Есть месторождение платины, и оно богатое. Значит...

Захарович уселся поудобнее, подпер голову рукой и задумался.

В кабинете стояла мертвая тишина, нарушаемая только еле слышным тиканьем часов да дыханием следователя. Неожиданно стоящий на столе белый телефон резко зазвонил. Захарович вздрогнул, недовольно мотнул головой из стороны в сторону и, чуть помедлив, все же взял трубку.

– Да, слушаю, – недовольно сказал он. – А, узнал, конечно. – Голос москвича стал тише и уважительнее. – Хорошо... Да, я понял. Конечно, давай встретимся. Где и во сколько? – Несколько секунд Захарович молча слушал своего абонента, потом его брови недоуменно приподнялись, и он спросил:

– А почему так срочно? Нет, не проблема, конечно, но... Ладно... Понял... Ну, давай, до скорого.

В трубке послышались долгие гудки, и Захарович положил ее на телефон. После этого он быстро собрал со стола все бумаги и через пару минут торопливыми шагами вышел из кабинета.

8

Север Хабаровского края очень во многом напоминает Магаданскую область, с которой непосредственно и граничит. И природа здесь практически та же, и люди. Впрочем, людей на севере Хабаровского края живет очень мало – средняя плотность населения здесь около двух человек на десять квадратных километров. Как и в Колымском краю.

Население делится на две основные группы. Первая – это жители поселков городского типа, таких, как расположенный неподалеку Охотск, из восьми тысяч населения которого четверть составляют бичи. Жители таких поселков по большей части русские.

А вторая группа населения – якуты, исконные обитатели этих мест, жившие здесь еще задолго до того, как до них дотянулась Российская империя. Их образ жизни сильно отличается от того, что ведут жители поселков. Якуты и сейчас живут практически так же, как жили многие поколения их предков – в полном единении с природой. Оленеводством, правда, здесь не занимаются – места не подходящие. Для того чтобы разводить оленей, нужны пастбища, то есть тундра, а здесь лиственничная тайга. Поэтому основными занятиями якутов являются охота и рыболовство. Они ведут полуседлую жизнь – их маленькие поселки могут довольно легко переехать с уже насиженного места на другое, а пожив там несколько лет, снова сняться и кочевать дальше.

В общем, якуты весьма симпатичный народ. И на самом деле они ничуть не напоминают жителей севера из анекдотов – с их «однако, здравствуйте» и «чукча в чуме ждет рассвета». Якуты не глупы, хотя, на взгляд русского, слегка наивны. Зато они добрый и очень гостеприимный народ. Несмотря на то, что Россия фактически сделала их родину чем-то типа мусорного ведра огромной империи, и на то, что ничего особенно хорошего они от России не видели, доброе отношение к русским якуты все же сохранили. Может быть, еще потому, что слишком суровая земля на севере. Захватить-то ее Россия захватила, а вот использовать толком не могла. Так и осталась местным жителям их земля в целостности и сохранности – в отличие от земли американских индейцев, например.

Впрочем, многие беды, доставшиеся на долю индейцев, и северных их родственников не минули. И самые главные из них – это болезни и водка. Когда русские добрались до Якутии, Чукотки, до всех этих северных земель, они принесли с собой массу болезней, которых местные жители прежде никогда не знали и против которых у них не было иммунитета. А спиртное стало вообще настоящим проклятием русского севера. У каждого народа есть какой-то свой способ одурманивать себя, исторически сложившийся и относительно для этого народа безопасный.

На Ближнем Востоке, например, таким традиционным видом являются легкие наркотики типа анаши и гашиша. Тамашние люди прекрасно их переносят и наркоманами не становятся. У мексиканцев есть их кактус пейотль, от которого они сами очень хорошо расслабляются, но пробовать который приезжим не рекомендуется. А в России, да и вообще во всей Европе, таким традиционным наркотиком является алкоголь. Соответственно и сопротивляемость к нему в Европе высокая. Но для тех же якутов алкоголь – это страшная вещь. Здоровенный мужик совершенно пьянеет от одной-единственной рюмки, и это не исключение, а правило.

Спиваются якуты, чукчи, юкагиры, алеуты и прочие северяне очень быстро и совершенно безнадежно. Это не от слабости – просто национальная особенность обмена веществ в организме. Тот же чукча или юкагир зато легко может съесть мухомор и словить от него кайф – это их национальный наркотик. А русский от этого мухомора ноги в момент протянет. Плохо только то, что русские мухоморы есть особенно не пытались, а вот чукчи и якуты пить пробовали. Да еще как. Бывали случаи, что целыми селениями спивались и вымирали. Именно поэтому, кстати сказать, в советские времена наличных денег им в оленеводческих колхозах и

лесхозах на руки не выдавали. Там царил безналичный расчет и натуральная меновая экономика, почти как во времена Дежнева и Пояркова.

Собственно говоря, и к нашему времени мало что изменилось – разве что следить за соблюдением «сухого закона» сверху перестали. Власти предержавшие попросту махнули на местных жителей рукой – сопьются и вымрут, значит, туда им и дорога. Но, к счастью, большая часть старейшин якутских родов, уже наученных горьким опытом, взяли надзор за трезвостью соплеменников в свои руки, и поэтому катастрофы не случилось. Молодежи это, конечно, не нравилось, но власть старейшин в живущих по патриархальным законам общества была непререкаема, и жизнь шла по накатанной колее.

Именно так и жил небольшой якутский поселок, расположенный на севере Хабаровского края в районе речки Ини до позапрошлого года. Названия у поселка не было, и ни на каких картах он не был отмечен, а населения в нем было чуть больше сотни человек, живущих охотой и рыболовством. Фактически это был небольшой род, как две капли воды похожий на те, что кочевали по этим местам исстари. Но два года назад уклад жизни якутов был нарушен. Рядом с их поселком обосновалась одна из «диких» артелей, добывающих золото на свой страх и риск, без разрешения государства. Поначалу якуты отнеслись к новым соседям вполне доброжелательно – тайга большая, места всем хватит. Даже приглашали старателей в гости. Но очень быстро отношения стали портиться, причем не по вине якутов.

Старатели оказались в большинстве своем еще тем сбродом: бывшие уголовники, бичи, списанные на берег за пьянку или воровство моряки, короче говоря, самые что ни есть отбросы общества. В общем, ничего удивительного в этом не было – «дикие» артели в девяти случаях из десяти именно из такого отребья и состоят. А в десятом – из еще худшего. Постепенно отношения между якутами и старателями стали обостряться. Было несколько драк, в которых обычно побеждали старатели – не потому, что они были сильнее или храбрее, а за счет наглости и умения навалиться кучей. Пару раз дело чуть не доходило до смертоубийства – и только с огромным трудом старейшине якутов Нэхату Эрэковичу Коляникену удавалось пока избегать по-настоящему серьезных конфликтов. Но с каждым месяцем делать это становилось все труднее и труднее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.